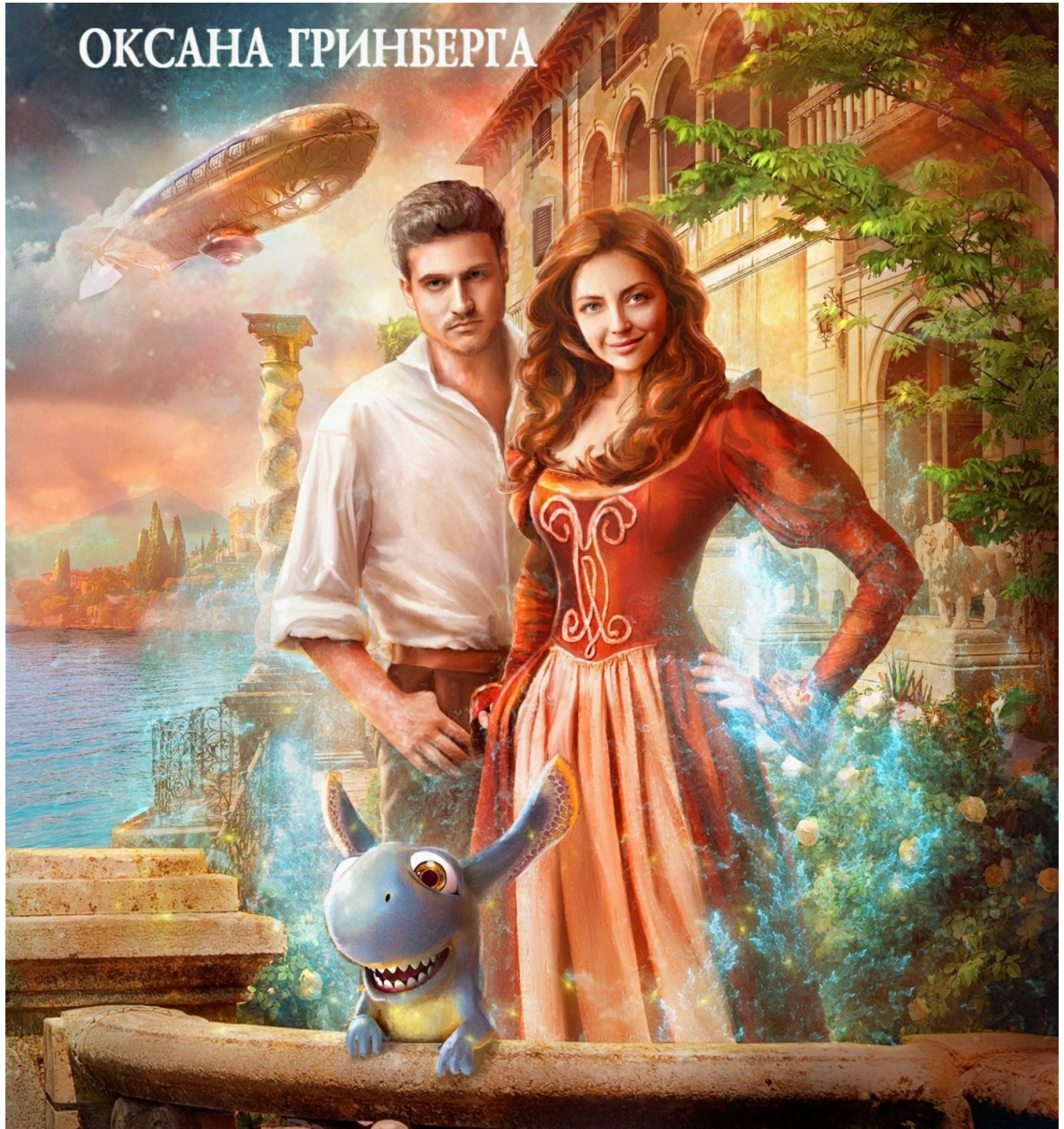

ОКСАНА ГРИНБЕРГА

ЛЮБОВЬ И ПОЛНЫЙ ПАНСИОН

16+

Оксана Гринберга
Любовь и полный пансион

«Автор»

2021

Гринберга О.

Любовь и полный пансион / О. Гринберга — «Автор», 2021

По чужой воле я потеряла почти все, включая и того, кто запал мне в сердце. Зато теперь у меня есть новый дом на морском берегу, а вместе с ним новые проблемы и еще больше вопросов. Но я собираюсь со всем разобраться – и с любовью, и с вопросами, и с полным пансионом, потому что из моего дома можно сделать отель, а впереди нас ждет курортный сезон. Так почему бы «Охотничьему Уголку» не стать лучшей гостиницей на побережье?

© Гринберга О., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Оксана Гринберга

Любовь и полный пансион

Глава 1

Отец всегда говорил, что наша жизнь похожа на качели – за каждым падением непременно последует новый взлет. Нужно лишь приложить усилие, оттолкнуться посильнее, и ты обязательно переменишь ситуацию к лучшему.

Но на этот раз переменить ситуацию к лучшему у меня не получалось, сколько ни отталкивайся. И все потому, что мои качели давно уже сорвались и... летели к демонам в пропасть!

– Нет же, Нана! – я устало покачала головой, уставившись на свою бывшую гувернантку. – Слишком много вещей, мы не сможем все это с собой взять. Отложи-ка те три платья, я отнесу их завтра в лавку. И уж тем более мы не можем взять это!.. – добавила я, уставившись на каминные часы, которые Нана припрятала между вещей.

– Но они же дорогие! – смуглое лицо Наны нахмурилось, а черные миндалевидные глаза превратились в щелки. – Этому мерзавцу, вашему дядюшке, они все равно не понадобятся! Он так и так сгниет в тюрьме, а потом черви сожрут его тело!..

Родом Нана была из Востора, цвет ее кожи был темнее того, к чему привыкли в Атрии. На улице на нее частенько глазела любопытная детвора, а некоторые, особо смелые, подбегали и спрашивали, человек она или нет.

Но она была человеком – уж мне ли не знать ее доброты! – и я любила ее как родную мать. Своей не помнила – та бросила нас с папой, когда я еще лежала в колыбели, – зато Нана меня вырастила. Все эти годы она была рядом, заботилась обо мне и опекала. А потом, когда я стала взрослой, тоже осталась подле меня.

Теперь пришло и мое время позаботиться о ней. Но это вовсе не означало, что мы станем брать чужие вещи из чужого дома!..

Вернее, до недавнего времени это был дом моего дяди – шикарный особняк на улице Гроувер, – из которого нас с Наной выселяли, дав два дня на сборы, после чего мы должны будем убираться восвояси.

В этом и заключалась самая большая проблема – убираться нам с Наной больше было некуда. По воле дяди у меня ничего не осталось – ни своего дома, ни денег на счету, потому что он выгреб все, до последней лиреи, хотя в Королевском Банке Атрии у меня лежала приличная сумма.

Я откладывала ее целых два года – собиралась провести новомодную систему оросительных каналов на своих страдающих от постоянных засух землях, а потом отвезти Нану в путешествие. Думала сделать ей подарок на пятидесятилетие.

Но дядя рассудил иначе, пустив все мои сбережения на покрытие собственных долгов. Мой дом он тоже продал, отдав деньги жаждающим его крови кредиторам.

Узнала я об этом пять дней назад, и удар оказался настолько сильным, что я долго не могла прийти в себя. Отказывалась верить своим глазам, когда увидела договор купли-продажи на свой собственный дом, подписанный моим опекуном, и ушам, когда мне сообщили в банке, что денег на моем счету больше нет.

Но жизнь взяла свое... Вернее, мне ничего не оставалось, как только взять себя в руки и жить дальше. А еще бороться, потому что я не собиралась оставлять это просто так.

Обошла нескольких адвокатов, посетила жандармерию и даже встретила с управляющим банком. Но все лишь разводили руками. Да, преступление было налицо, но вернуть свою

собственность и деньги я уже не могла. Потому что давно не было ни того, ни другого, а законы Атрии оказались не на моей стороне.

По воле дяди я осталась ни с чем, и мне придется начинать все с самого начала. К тому же позаботиться еще и о Нане.

Первой моей мыслью было остаться в столице, раз уж ехать все равно некуда. Снять нам с Наной недорогую комнату и отыскать себе работу, но уже очень скоро я осознала всю глубину пропасти, в которую угодила по дядиной воле.

Стоило кому-либо слышать, что меня зовут Робин Дорсон, как свободные комнаты сразу же становились занятыми, а вакансии испарялись, словно их не существовало в природе.

И все потому, что имя Дорсонов было у всех на слуху. О нем кричали во всех столичных газетах, потому что дядя совершил куда более страшное преступление, чем подделка моей подписи на генеральной доверенности, с помощью которой он, став моим опекуном после смерти отца, разграбил мой счет и пустил по ветру мое наследство.

Итона Дорсона, дипломата на службе у его величества короля Гилберта I, обвиняли в шпионаже на Умбрию, и вина его была неоспорима. Пусть пока еще шло следствие, но дядя уже сидел в тюрьме, а его особняк отбирали за долги. Счета заморозили – впрочем, денег на них все равно не было, – а меня выставляли на улицу без единой лиреи.

Шесть дней назад, когда за дядей явились жандармы, я решила, что произошла чудовищная ошибка. Отказывалась верить в происходящее, думая, что такого попросту не может быть. Но теперь, когда я познала всю глубину его лжи, у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что он виноват.

К тому же пару дней назад я навестила его в тюрьме – мне захотелось взглянуть ему в глаза.

Именно там Итон Дорсон, обливаясь слезами, которые капали на его тюремную робу, заявил мне, что он ничего плохого не совершал. Вернее, вина за ним есть, но не такая страшная, какую ему пытаются приписать.

Поэтому мне нужно сегодня же, любой ценой занять еще денег и нанять ему самых дорогих адвокатов – он назовет мне их имена, – потому что общественный защитник никуда не годится.

Я должна обязательно вытащить его из тюрьмы, так он мне и заявил. Ему нужно выйти на свободу, и тогда он все исправит. Сейчас обстоятельства сложились не в его пользу, но еще можно все переиграть.

– Вы меня обманули и обворовали, – сказала ему. – Это обстоятельства во всем виноваты?!

Нам с отцом принадлежали земельные угодья в Сонбери, в трех днях пути от столицы. Не сказать, что обширные, но этого вполне хватало на жизнь. Ими я давно управляла сама, без чьей-либо помощи, потому что папа постоянно был в отъездах.

Моя жизнь в провинции текла ровно и размеренно – повседневные дела и заботы, книги и учеба, – но ровно до момента, пока не пришло известие о папиной гибели. И уже через неделю ко мне из столицы явился дядя, сказав, что он вызвался опекать меня до момента, пока мне не исполнится двадцать один.

Еще целых два года.

– Робин! – страдальчески выдохнул дядя в тот день, стоя на крыльце моего дома, и протянул ко мне руки.

– Робин! – выдохнул он и сейчас, через два месяца с того момента.

И тоже протянул ко мне руки, но уже в арестантской полосатой одежде.

Признаюсь, в тот раз, в Сонбери, я позволила себя обнять. Охваченная горем, сама шагнула в его объятия. Зато сейчас отшатнулась, а стража за моей спиной заволновалась.

– Я действовал под влиянием момента, – произнес Итон Дорсон, когда понял, что родственные объятия его не ждут.

– Мне прекрасно известно, что это был за момент, – сказала ему сухо.

– Я не мог поступить иначе. Пойми меня, Робин! Мне нужны были те деньги, – наконец, признался он. – Но я бы все тебе вернул!

Я поморщилась.

– Допустим, кражу денег со своего счета я еще хоть как-то могу себе объяснить, хотя и с трудом. Но то, что вы продали «Райские Птицы», причем сделали это за бесценок... О нет, такого я не прощу вам никогда!

Дядя продал мое поместье мерзкому Парсону – тот давно уже зарился и на меня, и на мою собственность. Как-то даже заявил, что разница в возрасте в тридцать пять лет не станет помехой нашему браку.

Конечно же, я ему отказала, но он не собирался сдаваться – заявился в «Райские Птицы» и принялся ко мне приставать. Отец как раз был дома и выставил Парсона вон, пригрозив, что выбьет ему все зубы. И даже не станет тратить на него ни магию, ни меч, чтобы не замараться.

С тех пор сосед затаил на меня обиду. И теперь, стоило мне подумать, что этот негодяй заполучил мой дом и мои земли, да еще и за бесценок, а дядя потратил деньги на погашение своих долгов...

Сердце начинало болеть, а к глазам подступали слезы от гнева и бессилия, потому что я понимала: мне уже ничего с этим не сделать!

А ведь в «Райских Птицах» прошло мое детство, там я выросла и выучилась. Любила и заботилась о просторном, солнечном доме и о людях, которые жили в нем и на моих землях. В доме было так много всего, связанного с отцом, – его вещи, сувениры, которые он привозил из дальних странствий, коллекция курительных трубок и восторских сабель, а еще его старенький китель и адмиральская фуражка.

Уверена, мерзкий Парсон все это собрал и сжег.

А если не сжег, то стоит мне приехать в Сонбери за своими вещами, как он с ухмылкой продемонстрирует договор купли-продажи, под которым стояла подпись моего опекуна. Или же, того хуже, попытается меня облапать, заявив, что, только став его женой, я смогу вернуться в свой дом.

– Как же мне сильно не хватает папы! – помню, сказала на прощание я дяде. – Он бы быстро раскусил, какой вы на самом деле мерзавец. Но теперь я тоже это понимаю, и с сегодняшнего дня вас в моей жизни больше не существует.

После чего поднялась и ушла.

Не стала слушать ни об адвокатах, о которых твердил дядя, ни о том, что он обязательно мне все вернет. Решила, что Боги и люди дяде в судьи, так что придется ему довольствоваться общественным защитником.

Вернулась в роскошный пустой особняк – слуг я сразу же отпустила, понимая, что платить им больше нечем, – и долго сидела в кресле, обхватив себя руками. Не хотела плакать, но слезы текли сами по себе.

Правда, ровно до тех пор, пока не пришла Нана и не всучила мне кружку с горячим молоком и тарелку с печеньем. Заявила, чтобы я непременно все съела. И еще, что Боги обязательно помогут мне во всем разобраться.

Впрочем, мне и так уже все было ясно, что уж тут сложного!

Дядя сразу это задумал, стоило ему получить известие о гибели старшего брата. Он давно уже нуждался в деньгах, поэтому решил, что вот он – легкий способ обогащения. Всего-то нужно стать опекуном племянницы, а потом ее ограбить!..

Правда, сперва ему надо было втереться мне в доверие. Именно поэтому он примчался в «Райские Птицы» – так спешил, что даже карета запыхалась. Заявил, что прибыл меня поддержать и что он скорбит вместе со мной о страшной утрате.

Потому что мой отец был настоящим героем – жил как герой и погиб как герой.

Папа вел эскадру из шести кораблей, пытаясь в очередной раз миновать Пролив Дьявола и найти кратчайший путь в Кракатан. Но его «Скиталец» и корабли сопровождения попали в страшный шторм, и половина их них разбилась о скалы неведомой земли и пошла ко дну.

Среди них был флагман отца.

Выживших искали, но никто из команды «Скитальца» так и не добрался до суши, обретая вечный покой в море. Оставшиеся корабли вернулись в Атрию, привезя с собой страшную весть – адмирал Натан Дорсон погиб, – и теперь вся Атрия скорбела вместе со мной.

Правда, дядя скорбел не слишком заметно – пробыв несколько дней в «Райских Птицах», он выпил весь запас папиного виски и рябиновой настойки Наны, после чего изъявил желание немедленно забрать меня в столицу.

Сказал, что так для меня будет лучше. Мы станем утешать друг друга в нашей горе, но уже в его доме. К тому же мне не помешает развеяться и взглянуть на столичную жизнь – разве это дело, чтобы молодая и красивая девица чуть ли не заживо похоронила себя в деревенской глуши?!

Признаюсь, в тот момент мне было слишком плохо и больно – образ отца постоянно вставал перед глазами, и я плакала с утра до ночи, – поэтому, немного поколебавшись, я все-таки дала свое согласие. Решила, что, если мы с Наной проведем конец зимы в столице и вернемся в Сонбери как раз к посевной, ничего страшного не произойдет.

Вернее, дядя прав, так будет даже лучше – папе не понравилось бы, что я так сильно по нему убиваюсь. Да и Харден, нашу столицу, мне давно хотелось повидать – до этого я бывала там раза три, не больше.

Ну что же, я его повидала – и роскошный особняк Итона Дорсона, и королевский дворец, и городские каналы с сотнями маленьких лодочек, и тысячу других красот столицы Атрии. И все это время дядя уверенно пускал пыль в глаза не только мне, но и остальным. Изображал, что он буквально купается в деньгах и его дела идут лучше некуда.

Позже я узнала, что ему давно уже не везло за карточным столом, да и ставки на ипподроме не сказать, что всегда были успешными, – дядя вылез в огромные долги, а азартные игры сделали его положение только хуже. С каждым днем засасывали его в пучину долгов, пока он не утонул в них окончательно.

Насколько, что пошел на преступления.

Не только против меня, но и против своей страны.

Но он не спешил мне признаваться в своем отчаянном положении – вместо этого стал устраивать пышные приемы, на которых мне приходилось играть роль хозяйки дома. Представлял меня знатным гостям, намекая, что из его племянницы, дочери героя Атрии, а еще красавицы и умницы, получится отличная партия.

Мне это нисколько не понравилось, и я заявила, что вовсе не горю желанием выходить замуж, так что не стоит меня сватать! Но дядя не послушал, и у нас с ним вышел пренеприятный разговор, после которого я засобиралась домой.

Не успела – в особняк ворвались жандармы, и в следующий раз мы с дядей увиделись уже в тюрьме.

– Но почему же вы не подумали обо мне? – все-таки не выдержав, спросила у него тогда, два дня назад, когда навещала в тюрьме.

Уже покидала допросную, но повернулась и посмотрела...

Глядела на Итона Дорсона – осунувшегося, с небритыми впалыми щеками, – понимая, что мы видимся с ним в последний раз. После того, что он натворил, дядя вряд ли когда-либо выйдет на свободу, а места в моем сердце для него больше нет.

– Я думал о тебе все это время, Робин! – выдохнул он. – Ты – моя племянница, единственная оставшаяся из семьи. Я не собирался тебя обкрадывать. Всего лишь позаимствовал деньги с твоего счета и выгодно продал старый, никому не нужный дом ...

– Но это был мой дом, дядя! И он был очень мне нужен!

– Зачем тебе эта развалина в провинции, Робин?! Тебя ждало блестящее будущее, потому что я собирался устроить твой брак с...

– С Рэнделлом Корнвеем, герцогом Суэским, не так ли? – перебила я его. Не выдержав, усмехнулась я. – О да, дядя, это была бы великолепная партия! Правда, она существовала только в вашем воспаленном воображении.

Хотя герцог Суэский был вполне реальным.

Рэнделл Корнвей появился на последнем из дядиных приемов. Признаюсь, стоило мне его увидеть, как мое сердце забилось куда быстрее, хотя в обществе мужчин оно всегда стучало спокойно и безразлично.

До этого никто не смог меня заинтересовать, хотя в столице дядиными стараниями у меня появилось много поклонников, засыпавших меня цветами и приглашениями.

К тому же в Сонбери у меня водились и собственные ухажеры. Если не считать противного Парсона, за мной давно и безнадежно ухаживал сын Амброзия Джонса из «Липовой Аллеи» и волочился, не давая прохода, племянник Иссаи Вудса из «Сомовой Запруды».

Правда, ни у одного, ни у второго не было шансов – точно так же, как и у столичных кавалеров. Но стоило мне увидеть герцога Суэского, как мое сердце дрогнуло.

Ненадолго – так, немного подрожало и перестало, потому что я прекрасно отдавала себе отчет в том, что у нас нет и не может быть с ним ничего общего.

Рэнделла Корнвея по праву считали одним их самых завидных женихов Атрии. Несомненно, молодой темноволосый герцог был не только хорош собой – что уж тут кривить душой, он показался мне демонически привлекательным. А еще ему принадлежали огромные земельные владения на востоке Атрии и несколько мануфактур в столице.

В довесок, он получил отличное образование, король приходился ему троюродным дядей, а в юношеские годы Рэнделл Корнвей успел прослужить три года на флоте. Участвовал в короткой, но кровопролитной Двухлетней Войне против Умбрии и удостоился нескольких наград за храбрость.

Как оказалось, воевал он под началом моего отца. Это мы выяснили в разговоре – но уже после того, как дядя нас представил, успев шепнуть мне на ухо и про награды, и про то, что из нас с герцогом выйдет отличная пара.

Но я-то знала, что из нас ничего не выйдет – не может получиться пара из льва и газели, – хотя мое глупое сердце продолжало биться слишком уж оживленно.

Мы проговорили с ним довольно долго – речь шла о местах, в которых побывал герцог, и еще о том, где успела побывать я. Затем Рэнделл Корнвей принялся вспоминать службу у моего отца, после чего мы незаметно перешли к разговору о величайших географических открытиях, в которые адмирал Дорсон успел внести немалую лепту.

Именно папа обнаружил и присоединил к Атрии несколько архипелагов – Торрендский и Кларенколл в их числе, а также острова Зулус, Эндоргу и Морренбик. Но мечтой отца было найти кратчайший путь к золоту Кракатана, чтобы везти его в Атрию напрямик, не обходя весь континент и не опасаясь нападения пиратов или военных кораблей Умбрии.

Затем Рэнделл Корнвей пригласил меня на танец, и я даже не отдала ноги ему от волнения, хотя отчетливо слышала, как скрежещут зубами те девушки, которых он не удостоил внимания.

Одной из них – настолько красивой блондинке, что даже дух захватывало, – довольно быстро надоело скрежетать зубами, и она попыталась устроить скандал. Но герцог спокойно ее осадил, после чего увел в Музыкальный Салон, откуда она выбежала в слезах и покинула дядин дом, ни с кем не попрощавшись.

Конечно же, гости тут же принялись шептаться, и я краем уха слышала, что между той самой красавицей леди Эйвери Иссан и молодым герцогом Суэссским давно что-то есть. Вернее, он давно собирался на ней жениться, но все почему-то никак не женится.

Как бы там ни было, больше Рэнделл Корнвей ко мне не подходил. Проговорил остаток вечера с одним из дядиных коллег-дипломатов, после чего отбыл восвояси.

Позже, когда и остальные гости разъехались, а я спустилась на кухню, чтобы выпить горячего молока, наткнулась там на дядю. Он-то и заявил, что обязательно отправит Рэнделлу Корнвею письмо, в котором изложит все преимущества нашего с ним брака.

На это я посоветовала дяде не сходить с ума, а еще не дурить герцогу голову и не позорить меня – потому что его затея никуда не годилась. И вообще все его брачные затеи никуда не годятся, потому что мы с Наной возвращаемся домой.

Огромное ему спасибо за гостеприимство, но меня ждут «Райские Птицы» и скорая посевная...

После чего отправилась спать, а на следующий день обнаружила, что мой дядя – предатель родины, а еще через неделю, что он все-таки сошел с ума, так как то самое письмо с брачным предложением он все же отправил.

Потому что я получила на него ответ.

Рэнделл Корнвей в довольно резкой форме сообщал, что впредь не желает иметь дел ни со мной, ни с кем-либо из Дорсонов.

Я прекрасно понимала причину подобного тона – дядя, пользуясь своими связями, признавал, а потом сообщал нашим врагам из Умбрии маршруты, по которым шли из Кракатана груженные золотом корабли. Провернул он это несколько раз – по его вине сотни моряков лишились жизни, а Атрия – миллионов дукаров и десятков кораблей.

Но последнего лазутчика все же схватили, обнаружив у того неопровержимые доказательства дядиной вины. Поэтому сейчас дядя сидит в тюрьме, дожидаясь окончания следствия, а потом суда. У Итона Дорсона не было ни единого шанса избежать наказания, как и у меня вернуть свой дом.

А тут еще и это письмо с герцогским гербом!..

Уж и не знаю, кто его написал – сделал ли это сам Рэнделл Корнвей или же его секретарь, – но составитель ответа не стеснялся в выражениях. Облил меня презрением, спросив, что мы вообще себе вообразили?!

Это предложение в высшей степени возмутительно!

– Написали бы уже, что унизительно, – пожав плечами, сказала я бумаге.

Вскинула руку, активируя магическое заклинание. Сожгла письмо, после чего долго смотрела, как падали, кружась в воздухе, мелкие кусочки пепла. Сердце мое билось размеренно и спокойно – за последнее время оно вынесло столько боли и унижения, что, казалось, его уже ничем не растревожить.

Иногда я думала, что тоже умерла.

Да-да, как и папа, сгинула в пучине дядиного предательства и собственного отчаяния. Правда, почему-то еще ходила и говорила, а Нане иногда удавалось впахнуть в меня немного еды из оставшейся в особняке – ее я разрешила использовать, а дорогие часы или же снимать картины со стен строго-настрого запретила.

– Мы не воры, – сказала я Нане. – Среди Дорсонов хватает и того, кто сидит в тюрьме, так что не вздумай ничего отсюда брать!

Ан нет, что-то шевельнулось в груди, и я замерла, с интересом к себе прислушиваясь. Кажется, мне до сих пор можно было сделать еще больше, и Рэнделлу Корнвею, герцогу Суэсскому, это удалось.

Впрочем, в сердце пару раз кольнуло и перестало – даже пепел не успел упасть на стол, на котором лежала кипа исписанной бумаги вперемешку со свежими газетами.

Это были немые свидетели моих безнадежных попыток отыскать себе работу.

В несколько мест я сходила сама, в остальные разослала письма, гласившие, что «Робин Дорсон, незамужняя девица девятнадцати лет, получившая домашнее образование, владеющая двумя иностранными языками и знающая основы прикладных наук, а также сносно обращающаяся с магией, ищет себе место...»

Признаюсь, я мечтала найти работу гувернантки, потому что любила возиться с детишками, но везде получала отказы. Попробовала отыскать место в лавках модисток или же магазинах готового платья, но и там мне оказались не рады.

Как, Впрочем, и в других местах.

Никто не захотел связываться с одной из Дорсонов – мало ли, вдруг я тоже захочу предать родину и начну именно с их дома, магазина или же лавки...

Именно поэтому я решила уехать с Наной подальше из столицы. Нет, не в Сонбери – там нам больше нечего было делать, если только посмотреть, не станет ли мне еще больше.

Нет же, я решила, что мы переберемся на другой конец страны, подальше от всего, что произошло в столице. К тому же мне удалось выручить немного денег – я отдала в комиссионную лавку большую часть своих платьев и украшений, тем самым получив ровно восемьдесят шесть лирей.

Не слишком много, но этого как раз должно было хватить на билеты на дилижанс и еще на то, чтобы снять недорогую меблированную комнату где-нибудь в глуши и продержаться первый месяц, пока я не найду себе работу.

Но, стоило мне разложить на столе карту, чтобы выбрать то самое место, как пришло письмо.

Было оно на мое имя, без указания отправителя, но со штампом Королевской почты Атрии и отметкой «Монрей».

– Монрей, где это? – пробормотала я, уставившись на белый конверт, который положила на мой стол Нана.

– Понятия не имею! – отозвалась няня, после чего поспешила на кухню, заявив, что у нее сгорит пирог.

Яблочный, как я и любила, с орехами – в последние дни Нана всячески старалась меня баловать, словно вкусы способны заглушить боль разбитого сердца.

Нана не знала, где находится Монрей, тогда как я... В голове почему-то зазвучал шелест волн, и я подумала, что название могло быть связано с морем. Или я довела себя до такого состояния, что в голове уже шумело просто так?

Решив не гадать, принялась разглядывать карту и уже довольно скоро обнаружила тот самый Монрей.

Это был небольшой курортный городок примерно в сутках езды от столицы. Судя по всему, довольно популярное место, потому что я еще и вспомнила, что его упоминали в разговорах в дядином доме.

Когда наступала жара, столичный высший свет бежал из раскаленного солнцем Хардена на побережье, чтобы насладиться морским воздухом, купанием в теплых волнах Зарийского моря и хоть как-то спастись от зноя. Монрей был как раз одним из таких мест, причем, подозреваю, довольно популярным, раз уж я слышала о нем несколько раз.

Но кто же мог написать мне из курортного городка?

Из близкой родни у меня никого не осталось, если не считать дядю, который вряд ли бы сумел отправить мне письмо со штемпелем Монрея из тюрьмы. Мама восемнадцать лет назад бросила меня и папу, сбежав из дома с кавалерийским офицером. Доброжелателей тоже не было – даже те поклонники, кто засыпали меня цветами и признаниями, те тоже от меня отвернулись.

Решительно отогнав мысли о новых проблемах – вряд ли могло стать еще хуже, – я сломала почтовую печать, после чего вскрыла и потрясла конверт.

Первым из него выпал билет.

Да-да, именно билет, причем на мое имя, в первый класс дирижабля «Слава Атрии». Рейс в Монрей отбывал с Центрального Воздушного Вокзала Хардена послезавтра утром и прилетал в место назначения в восемь часов вечера того же самого дня.

– Интересно, кто мне его прислал? – полюбопытствовала я у конверта.

Тот, конечно же, промолчал, поэтому я полезла в его нутро и достала оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Уже на ощупь поняла, что бумага дорогая, с печатями и оттиском, в котором угадывался контур королевского феникса, который красовался на официальных документах в Атрии.

Развернула – внутри оказалась... дарственная на мое имя.

Имени дарителя указано не было, зато внизу красовалась та самая печать с королевским фениксом и подпись нотариуса – некоего Николаса Броккета, уведомлявшего, что отныне мисс Робин Дорсон является владелицей дома под названием «Охотничий Уголок», расположенного в городе Монрей по адресу Большая Морская улица, 45.

Снова порылась в конверте, теряясь в догадках – что бы это значило? Вернее, с чего бы кто-то так расщедриться? – и все-таки обнаружила маленькую записку. Точнее, это был клочок бумаги, сложенный вчетверо, на котором оказалось выведено одно-единственное предложение.

«Это та малость, которую я могу сделать для Вас после того, что сделал для меня Ваш отец», – вот что гласила та записка.

И вместо подписи – инициалы Б.Х.

Вот и все.

Все, больше в конверте ничего не было!..

Я перетряхнула его еще раз, почему-то подумав, что если уж... гм... мне подарили дом, то, наверное, должен быть и ключ. Но – ничего!

Наконец, я неверяще уставилась на то, что мне прислали. Разложила перед собой билет, дарственную, записку...

Ответов у меня не было.

Покликала Нану, попросив заглянуть, когда она освободится. Наконец, няня вошла, поставив передо мной пышущие жаром несколько кусков пирога и стакан горячего молока, и я взглянула в ее встревоженное, осунувшееся лицо.

За последнюю неделю она порядком похудела, и домашнее платье болталось на ней словно на вешалке. К тому же у Наны добавилось морщин, а ее черные волосы еще сильнее посеребрила седина, хотя мне всегда казалось, что время над ней не властно.

Нана переживала, хотя держалась изо всех сил. При этом я знала, что куда больше она волновалась за меня, чем за себя. Как-то даже сказала мне, что собирается подыскать себе работу – в ее поварском мастерстве у меня не было никаких сомнений.

Но я прекрасно знала, что это практически невозможно. В Атрии, что уж тут скрывать, предвзято относились к людям другого цвета кожи, и мне вовсе не хотелось, чтобы Нана столкнулась с людской грубостью и высокомерием. Хватило нам и того, что я пережила по дядиной воле!..

– Кто принес этот конверт? – спросила у нее.

– Почтовый курьер, – отозвалась Нана ворчливо. – Натопал в прихожей, хотя я сказала ему, чтобы в грязных сапогах мне тут не ходил!..

– Он передал мне только письмо и все?! Быть может, сообщил еще что-то?!

Хоть что-то!..

– Только письмо, мисс Робин! Но в чем дело? – Нана звала меня именно так, «мисс Робин», и, пусть я боролась с этим долгие годы, мне не удалось ее переубедить. – Очередные проделки этого негодяя, вашего мерзкого дядюшки?! Уверена, демоны ждут не дождутся со сковородками, когда он попадет к ним на Страшный Суд!

У Наны, родившейся и выросшей в Восторе, были свои собственные представления о загробном мире, с которыми мне тоже ничего не удалось сделать.

Только смириться.

– Дядя тут ни при чем, – покачала я головой, не зная, что мне и думать.

Кроме одного...

Назойливая мысль зудела в голове, постепенно захватывая разум и наполняя меня энтузиазмом. Чем старательнее я ее отгоняла, тем яснее мне становилось... Да, это будет правильным решением – нам с Наной стоило отправиться в Монрей и разобраться во всем на месте!

Посмотреть на дом, который мне подарили, – если, конечно, это не чья-то глупая, жесткая шутка. Мало ли, вдруг кому-то захотелось подшутить над Робин Дорсон – а почему бы и нет, пусть ей будет еще хуже?!

Правда, в розыгрыш не вписывались дорожный билет на дирижабль и дарственная с нотариальной печатью и подписью. Печать была магической – я провела над ней рукой, и она тут же вспыхнула алым, высветив имя того самого Николаса Броккета и королевский феникс Атрии.

Но почему же нет ключа от дома?! Быть может, в Монрее меня кто-то будет ждать? Или же мне следует явиться в ту самую нотариальную контору и потребовать с них ответов?

Чтобы не теряться в догадках, я решила, что мы с Наной завтра же туда отправимся и разберемся во всем уже в Монрее. Если это не розыгрыш, то, уверена, вскоре объявится и сам даритель и объяснит, какую услугу оказал ему мой отец и что означает его подарок.

К тому же Монрей вполне подходил для моих планов – маленький спокойный городок на побережье, в котором, уверена, я смогу отыскать себе работу. Лето не за горами, впереди ожидался наплыв отдыхающих – думаю, свободным рукам будут рады.

– Похоже, я выбрала нам место, – сообщила я Нане. – Мы с тобой поедem в Монрей. Вот, погляди! – и ткнула в карту, на что Нана лишь пожала полными плечами.

К картам, чтению или другим премудростям она не испытывала никакого интереса. Куда больше ее заботило то, что происходило на кухне, и чтобы я всегда была накормленной и опрятно одетой.

А что мне почти двадцать и я давно уже выросла – нет, Нану такие мелочи не волновали!

– Это городок на берегу моря, – добавила я. Если смотреть напрямиком на юг, то где-то там, за синими волнами Зарийского Моря, лежал Нанин родной Востор. – Думаю, тебе там понравится. Да и мне, пожалуй, тоже.

– Вот и славно, мисс Робин! Монрей так Монрей, – покладисто отозвалась Нана. Затем добавила: – Все будет хорошо, Боги нас прокормят!

Я была с ней полностью согласна, хотя подозревала, что нам самим придется приложить усилия, чтобы не умереть с голоду.

Именно поэтому я решила завтра же с утра сдать билет на дирижабль, пусть даже за полцены. Вернее, сколько дадут, этому и буду рада. Потому что второй такой же билет для Наны мне не купить, даже если я попрошу поменять свой на второй или третий класс, – слишком уж дорого!..

Отправлять ее трястись в одиночку на дилижансе я не собиралась – это будет нечестно, в конце-то концов!

Поэтому с утра пораньше я планировала отправиться на Воздушный Вокзал, после чего посетить бывшего дядиного поверенного, которому успела порядком надоест. Ну что же, надо ем ему напоследок – пусть взглянет, все ли в порядке с дарственной.

К тому же за завтрашний день я думала закончить с делами в столице, после чего к вечеру освободить дядин дом и покинуть столицу на ночном дилижансе. А уже там, в другом городе, разобраться, кто отправил мне письмо, какие дела связывали дарителя с покойным отцом и что за дом теперь мне принадлежит.

Все ответы, уверена, были спрятаны именно в Монрее.

Рэнделл Корнвей, герцог Суэсский

– Что ты сделал, Артон? – нахмурившись, переспросил Рэнделл Корнвей у своего излишне ретивого секретаря.

Герцог с недовольным видом уставился на невысокого, молодого, но уже начинавшего лысеть мужчину, отметив про себя его суетливые движения и растерянное лицо. Рэнделл и подумать не мог, что способен вогнать секретаря в столь неподдельный ужас одним лишь своим вопросом.

– Написал за вас ответ, ваша светлость! – ответил тот, склонив голову. Лицо его хранило скорбное выражение, но губы тряслись. Так же, как и руки – Рэнделл тоже это заметил. – Но я не знал... Простите, ваша светлость! Как же я мог знать, что вы... – забормотал он.

Артон не ожидал, что хозяин так взъярится, – ведь он привычно разобрал герцогскую корреспонденцию, после чего ответил на десяток писем, которые не считал настолько важными, чтобы донести их до внимания его светлости.

Этим он и занимался последние пять лет – вел переписку, устраивал встречи и выполнял разнообразные поручения Рэнделла Корнвея. Гордился своей привилегированной и высокооплачиваемой работой, позволившей ему выбраться из трущоб Хардена, снять матери хорошее жилье и оплатить учебу младшему брату.

Понимал, что очень высоко взлетел для выходца из бедного Северного Квартала Хардена, и ему нисколько не хотелось падать, поэтому Артон старался никогда не допускать ошибок. Даже втайне гордился тем, что за все эти годы он не сделал ни одной.

Но, судя по недовольному лицу герцога, он все-таки ее совершил.

Что же касается того письма... Вернее, того возмутительного предложения, которое изложил на двух листах этот негодяй Итон Дорсон, – оно насколько вывело Артона из себя, что он не сдержался и написал излишне резкий ответ.

Впрочем, если уж быть честным с самим собой, дело было не столько в Итоне Дорсоне, сколько в том, что Артон и сам имел виды на его племянницу. Он познакомился с Робин в доме Дорсонов, куда прибыл по незначительному поручению герцога, и она произвела на него самое лучшее впечатление.

Такое, что он не смог выкинуть ее из головы.

Именно поэтому он подкараулил ее в парке на утренней прогулке, представившись, после чего... получил от нее вежливый отказ. Артон решил попробовать еще раз, но уже через ее дядю, на что Дорсон, не стесняясь в выражениях, объяснил Артону, что его племянницу ждет куда более выгодная партия.

Когда пришло то письмо, Артону стало ясно, куда метили Дорсоны, поэтому он и не сдержался.

Знал, что ответ, скорее всего, прочтет сама Робин, так как Итон Дорсон сидел в тюрьме, но все же излил на бумаге свое раздражение, известив, что этот брак не состоится никогда, да и само предложение в высшей степени возмутительное.

Артон пылал справедливым гневом, но, как оказалось, герцог им тоже воспылал, узнав об отказе от своего имени. С другой стороны, разве Артон мог подумать, что его хозяин – тридцатилетний аристократ, владелец огромного особняка в столице, дома на побережье и обширных земельных владений в Суэссе, к тому же пользующийся расположением самого короля Гилберта II...

Одним словом, баловень судьбы, родившийся с золотой ложкой во рту – именно так про таких говорили в бедном Северном Квартале, – неужели герцог Суэсский всерьез рассматривал мисс Робин Дорсон в качестве будущей невесты?

Это не укладывалось у Артона в голове.

А как же леди Эйвери Иссан, нередкая гостья в особняке герцога?!

Каждый раз, когда Артон видел великолепную блондинку, у него перехватывало дыхание и начинало сосать под ложечкой от понимания, что такую он никогда бы не заинтересовал. А даже если бы она и взглянула в его сторону, то удержать ее было выше его сил.

Леди Эйвери Иссан могли удержать только деньги, в этом Артон нисколько не сомневался.

Огромное состояние, которым владел его хозяин.

Правда, Рэнделл Корнвей не спешил кидать к очаровательным маленьким ножкам леди Иссан земли, мануфактуры, а заодно и свое сердце, хотя она всячески на это намекала, заявляя, что вполне готова к брачному предложению.

Напротив, Рэнделл Корнвей в последнее время не выказывал к ней ни малейшего интереса. И теперь это его недовольство из-за глупого, даже возмутительного письма Дорсонов!..

Что бы оно означало?!

– Надеюсь, у тебя хватило ума отказать не в слишком резкой форме, – холодно произнес герцог, на что Артон не стал признаваться ему в том, что ума у него не хватило.

Вместо этого он заявил, что был мягок и любезен, словно отец-исповедник, сделав все, чтобы ни в коем случае не задеть чувств мисс Дорсон, и так уже попавшей в затруднительное положение.

Ну что же, ему оставалось лишь надеяться, что его письма с ответом больше не существовало!..

После чего он принялся терпеливо дожидаться, когда герцогу надоест его распекать и тот переключится на что-нибудь другое. Займется делами, которых к этому времени скопилось порядком.

Рэнделл Корнвей только что вернулся в столицу после недельного отсутствия, и Артон принес с собой целую стопу корреспонденции, требовавшей личного внимания герцога. В ней были письма как из дворца, так и от двух старших принцев крови, а также пространный деловой переписка, связанная с продажей одной из мануфактур и приобретением двух других.

Но надеждам секретаря не было суждено сбыться – его светлость не спешил забывать о том глупом письме.

И, как оказалось, о Робин Дорсон.

– Разыщи ее, Артон! – приказал он. – Я хочу убедиться в том, что с мисс Дорсон все в порядке. И вот еще, осторожно разузнай, не нуждается ли она в чем-нибудь, и сразу же мне сообщи. Жаль, что эта история произошла, когда меня не было в столице.

– Гм... Я все сделаю, ваша светлость! Немедленно ее разыщу, но все-таки...

– Что именно, Артон?

– Не знаю, как быстро мне удастся это сделать. Судя по всему, мисс Дорсон отличается разумностью, поэтому в ее положении правильнее было бы покинуть столицу. Вся эта история довольно плохо отразилась на ее репутации. Этот мерзавец, ее дядя...

– Я прекрасно знаю, кем был ее дядя, – отозвался герцог. – Но при этом я не собираюсь забывать о том, кем был ее отец.

И Артон поспешно закрыл рот. Он знал о трех годах, которые его светлость провел в королевском флоте. Правда, до недавнего времени секретарь и не подозревал, что командиром у него был сам адмирал Натан Дорсон.

– Но ведь я дал правильный ответ? – осторожно поинтересовался он у своего хозяина. – Разве могла идти речь о вашем браке с мисс Дорсон?

Герцог медлил, и Артон принялся считать про себя секунды. Одна, две, три...

– Ты дал правильный ответ, – наконец, согласился Рэнделл. – Речи о нашем браке идти не могло.

Не могло, но у него почему-то не получалось выбросить образ Робин Дорсон из головы. Нет, она не являлась к нему во снах, да и днем, когда Рэнделл был занят тем, что занимался делами промышленной империи Корнвеев, или же улаживал особые, иногда и крайне деликатные поручения короля, он почти о ней не вспоминал.

Но все же красивое, благородное лицо и открытая улыбка Робин Дорсон время от времени всплывали из памяти – в редкие минуты досуга, когда он решал проветрить голову, оторвавшись от дел.

Надо признать, о ней было приятно думать.

Дочь адмирала Дорсона во время их единственной встречи показалась ему не только вполне привлекательной, но и довольно рассудительной молодой особой. Ему нравилось, как она держалась в обществе; говорила спокойно, не кокетничая и не жеманясь, но при этом не скрывала отличного образования.

Рэнделла порядком раздражало странное поветрие в высшем свете Атрии, по которому считалось, что чем глупее девушка, тем легче ей будет найти выгодную партию. Именно этим дочь адмирала приковала его внимание – тем, что она не стыдилась своей начитанности, да и дальнейший их разговор его порядком увлек.

Робин Дорсон рассказала ему о последней экспедиции отца – Рэнделл мало что о той знал, – при этом вспомнив не только путь, который проделал «Скиталец» из порта Дарлей, но и названия всех островов, открытых адмиралом Дорсоном за последние годы.

Затем призналась, что отец брал ее в плаванье два раза и она успела объехать с ним полмира.

Тем самым Робин заинтересовала его еще сильнее. К тому же зазвучала музыка, и он, не желая прекращать разговор, пригласил племянницу Итона Дорсона на танец. Надеялся на продолжение увлекательной беседы, но тут явилась Эйвери и устроила ему безобразный скандал.

Пока он выпроваживал леди Иссан вон, прибыл неуловимый Маттисон, на которого Рэнделл давно уже охотился. Им нужно было переговорить с глазу на глаз, после чего ему пришлось срочно уехать во дворец. На следующий день пришел приказ отправиться к границам Востока, и с того дня с Робин Дорсон он больше не виделся.

Зато Рэнделл настоял на встрече с Эйвери, заявив той, что не потерпит подобного поведения. Она ему не невеста и никогда ею не станет – у него нет ни малейшего желания на ней жениться, и он ни разу не давал повода на это надеяться.

Поэтому ей стоит навсегда избавиться его от своего навязчивого присутствия.

Рэнделл не планировал жениться в ближайшем времени – ни на Эйвери, ни на ком-либо другом. До последнего времени у него и мыслей подобных не возникало – его вполне устраивали приятные и необременительные связи, на которые в высшем обществе привычно закрывали глаза.

Не возникали бы эти мысли и дальше, если бы не матушка, которая в последнее время его порядком тревожила.

Год назад вдовствующая герцогиня неожиданно пришла к выводу, что ее земное время близится к концу и старость со смертью не за горами. Он попытался было вразумить мать, заявив, что силы и энергии ей вполне хватит на то, чтобы повести армию Атрии через Сантрийские горы и напасть на Умбрию.

Но матушка была непреклонна, твердо заявив, что намерена умереть. Правда, сперва она собиралась вдоволь понынчиться с внуками, потому что созрела и вполне к этому готова.

Дело оставалось только за внуками.

Вернее, за единственным сыном, которому, по ее мнению, следовало тотчас же взяться за ум и немедленно жениться. Но вместо женитьбы Рэнделл сбежал из столицы по очередному поручению короля, после чего долго прятался в сельском имении, разбираясь с делами арендаторов.

Надеялся, что матушка остынет и перестанет его донимать.

Но вдовствующая герцогиня была неотвратима, как умбрийская угроза.

Матушка находила его везде, где бы он ни скрывался, ссылаясь на дела. Сперва просто требовала внуков, затем попробовала действовать лестью и подкупом – но подкупить Рэнделла было невозможно, это у Корнвеев в крови.

Тогда она решила пойти на шантаж.

Пожаловалась королю, попросив того вразумить непутевого сына, заявив, что одиночество очень скоро сведет ее в могилу. Гилберт, с кем Рэнделл был в дружеских отношениях, отнесся к просьбе герцогини с юмором, но все-таки посоветовал Рэнделлу задуматься о женитьбе, раз уж матушка перешла от слов к делу.

Потому что она перешла.

Слегла в кровать, торжественно объявив, что умирает. После чего слабым голосом добавила, что вернуть к жизни ее смогут только внуки. И еще, что она согласна даже на то, чтобы ее невесткой стала Эйвери Иссан, которую герцогиня терпеть не могла.

Это показалось Рэнделлу тревожным знаком, поэтому он срочно приставил к матушке доктора, лечившего супругу короля, тоже склонную впадать в депрессию по делу и без. Затем выписал новомодного доктора из Физлина, как раз специализировавшегося на подобных случаях.

И коллеги, посоветовавшись, пришли к похожему выводу. Вдовствующая герцогиня не симулировала, потому что проблемы со здоровьем у нее довольно серьезные. К тому же мыслями о смерти она довела себя до нервного истощения, застыв на пороге этой самой смерти.

Как ее вылечить?

Нет, магия тут не поможет. На пользу ей пойдут успокоительные настойки, к тому же герцогине не помешает сменить обстановку и перестать терзать себя тяжелыми мыслями.

Но куда лучше дать ей то, о чем она просит. Да-да, внуков, раз уж это дело жизни и смерти.

И вопрос женитьбы завис над Рэнделлом куда серьезнее, чем когда-либо.

...Сказав Артону, что тот может идти и он разберется с принесенной корреспонденцией сам, Рэнделл вместо этого еще раз перечитал письмо Итона Дорсона.

Этот пройдоха подошел к вопросу обстоятельно. Написал, что разные причины давно уже вынуждают Рэнделла жениться – похоже, где-то успел разнюхать о проблемах с матушкой, – а затем добавил, что раз уж дебютантки и незамужние девицы высшего общества до сих пор его не заинтересовали, это означает...

Это значит, ему нужен кто-то другой.

Свежая кровь. Та, которая не похожа на остальных.

Девушка из провинции, молодая и красивая, но не испорченная условностями высшего света. При этом с отличным образованием, которое во многом затмит столичное, потому что адмирал Дорсон не скупился на учителей для своей дочери.

И еще – с деловой хваткой.

Его племянница вполне успешно сможет стать хозяйкой не только столичного дома Корнвеев, но и сельского поместья в Суэссе. Арендаторы будут любить ее так же сильно, как любят люди в Сонбери, – Дорсон даже расщедрился на список этих самых людей, которые могли дать Робин рекомендации, включая его преосвященство епископа Сонберийского.

К тому же Робин Дорсон порядком им увлеклась, сообщил в конце своего письма Дорсон, добавив, что его племянница постоянно вспоминала их встречу. И намекал, что готов организовать для них новую.

Рэнделл поморщился – куда больше это тянуло на куплю-продажу породистой кобылы, чем на брачное предложение. Негодяй Дорсон не считался ни со средствами, ни с методами, чтобы добиться своего.

Впрочем, вопрос о браке с Робин Дорсон не стоял – как и с кем-либо другим, – но Рэнделл решил, что в память о ее отце он обязательно разыщет девушку и узнает, не требуется ли ей помощь.

Адмирал Дорсон многое для него сделал и многому его научил – например, никогда не сдаваться и бороться до последнего вздоха, даже если ситуация казалась совсем уж проигрышной.

Рэнделл прекрасно помнил те шесть дней, когда их отбившийся от каравана в шторм трехмачтовик догоняла умбрийская эскадра. Против военной мощи девяти вражеских кораблей им было не выстоять, поэтому они убегали так резво и так долго, пока не попали в полнейший штиль, а маги не исчерпали свои резервы.

Казалось, что дело кончено, но адмирал Дорсон отдал приказ, а позже и сам сел за весла. Они гребли двадцать шесть часов подряд, сменяя друг друга, привязав канаты к шлюпкам, пока не утащили свой корабль к демонам... С глаз долой, убежав от целой умбрийской эскадры!

Это будет правильным решением, подумал Рэнделл.

Он разыщет и поможет Робин Дорсон в память о ее отце. А то, что о ней приятно вспоминать, – нет, это совершенно не относилось к делу!

Глава 2

За окном во все стороны раскинулись величественные горы.

Признаюсь, первое время это зрелище меня порядком завораживало, но уже через несколько часов езды по серпантину меня разморило, и вид высоченных вершин с белыми шапками ледников перестал вызывать прежний энтузиазм.

Прислушалась к себе – ничего они не вызывали, кроме желания снова закрыть глаза и погрузиться в дремоту, чтобы проснуться уже в Монрее. Потому что мне начинало казаться, что едем мы целую вечность.

И еще мне искренне хотелось, чтобы нашу с Наной соседку наконец-таки перестало укачивать.

Осторожное предположение о беременности девушка с негодованием отвергла, но ее продолжало тошнить, на что кучер заявил, что такое иногда случается от перепада высоты. Затем добавил, что не в его силах прорыть через горы тоннель, так что добраться до Монрея напрямую у нас не получится. Поэтому придется потерпеть – и ей, и остальным, кто ехал с ней в дилижансе.

И мы терпели.

Правда, Нана, взявшая в поездку еды, питья, а еще разных целебных снадобий чуть ли не на целый взвод, попыталась что-то сделать. И худенькая блондинка в завитках золотистых волос и неестественно синими глазами – на вид ей было лет семнадцать-восемнадцать – покорно и с благодарностью принимала все, что она ей давала.

Но девушке ничего не помогало.

Мне казалось, что ей становилось все хуже и хуже и что очень скоро нам придется остановиться снова. И еще не факт, что этим вечером мы вообще доедем до Монрея!

Но я помнила ее другой – оживленной и веселой. Именно такой она села в дилижанс в Хардене. Лавка напротив нас с Наной пустовала, хотя дилижанс оказался забит желающими добраться не только до Монрея, но еще и до Марбина с Ногалом, как раз находившихся на пути нашего следования.

Но не слишком терпимые граждане Атрии, завидев Нану, тотчас же теряли желание занять места напротив нас. Вместо этого усаживались подальше, при этом бурчали, что не стоило пускать в дилижанс того, у кого цвет кожи отличался от нормального.

Мало ли, вдруг она заразная? Или же задумала что-то плохое? Либо, убереги Святая Ефания, навлечет на нас беду?

На это Нана терпеливо молчала, давно уже привыкшая к подобному отношению, тогда как я... Я громко и приветливо интересовалась, может ли кто-то из возмущающихся указать мне на пункт в своде законов Атрии, запрещающий гражданам Востора передвигаться по территории Атрии на дилижансе?

Или же, быть может, этот смельчак попытается нас высадить? Я бы хотела на него посмотреть!

И тут же под моими руками как бы невзначай начинали крутиться огненные магические потоки, складываясь в причудливые рисунки боевых заклинаний.

Боевым магом я не была, но изобразить что-то похожее могла.

Смельчаков выкидывать нас не нашлось, да и знатоков законов в дилижансе тоже не оказалось – потому что не было таких законов! – а на лавку напротив нас с Наной уселась та самая чуть припозднившаяся блондинка. Представилась – ее завали Лилли Шеллс, словно и не заметила Наниного цвета кожи, – и тут же сообщила, что едет она до самого Монрея.

Затем добавила, что это ее первое путешествие за десять лет – все эти годы она провела в пансионате при монастыре Святой Ефании и вот наконец-таки вырвалась на свободу!..

Улыбнулась нам приветливо, когда мы назвали имена, после чего с энтузиазмом уставилась в окошко, за которым стояла ночь и лежала сонная столица.

Затем мы тронулись, и я заснула, а когда проснулась, то мы уже миновали Марбин и Ногал, а впереди показались горы. Через пару часов начался подъем – именно тогда радужное настроение нашей соседки немного поубавилось.

Затем ее стало тошнить, из-за чего мы останавливались каждые десять-пятнадцать минут, и ни Нанины настойки, ни укрепляющий чай, который предложила девушке сердобольная дама из конца дилижанса, не помогали. И даже творожное печенье, которым моя няня с ней поделилась, было мучительно отвергнуто у ближайшей ели, до которой Лилли едва успела добежать.

Поэтому, не выдержав, я все-таки рискнула сделать ей предложение.

– Я не доктор, – обратилась к девушке, – и лицензии мага у меня тоже нет. – Зато Дар имелся, хотя, признаюсь, его вряд ли бы хватило на то, чтобы закончить Академию Магии. – Но я все же могу попробовать вам помочь. Мне уже доводилось лечить людей с помощью магии.

Иногда я помогала арендаторам, потому что с моих земель до сельской практики доктора в Сонбери ехать было порядком. И не во всех случаях было время, чтобы добраться.

Девушка уставилась на меня со страдальческим видом, после чего шепотом заявила, что ей совершенно все равно, есть ли у меня лицензия мага или нет. И да, она будет рада, если я попытаюсь сделать хоть что-нибудь, потому что...

Потому что, кажется, ее сейчас снова стошнит.

Кивнув, я пересела к ней на лавку, после чего осторожно приложила руку к ее животу. Вторую пристроила на затылок, и уже через секунду через мои ладони полилась целительская магия.

Мой преподаватель, Гордон Джойс, которого отец специально на целых два года выписал для меня из столицы, уделял много времени именно этому аспекту магии, заявив, что боевая вряд ли мне пригодится. Да и не было у меня таких способностей, чтобы стоять наравне с боевыми магами, зато с целительской все шло очень даже неплохо.

Наши соседи через два места – пожилой мужчина с заливчатскими усами, его усталая жена и извертевшаяся дочка лет шести-семи – устались на меня с любопытством.

И даже дерганый молодой клерк, до этого громче всех возмущавшийся Наниным цветом кожи, а потом пытавшийся заигрывать со мной во время коротких остановок, – он тоже посмотрел на меня с интересом и затаенной надеждой.

Уж и не знаю, что именно они ожидали – быть может, что я сожгу Лилли Шеллс за то, что она порядком задерживала дилижанс? – но уже очень скоро девушка, успокоенная моей магией, закрыла глаза. Ее напряженное лицо разгладилось, рот, до этого то и дело искажавшийся в страдальческой гримасе, сонно приоткрылся, на что Нана, вздохнув с облегчением, сунула ей под голову свернутый плед.

Вскоре я убрала руки и пересела на свое место – девушка преспокойно спала.

– Она проспит до самого города, – заявила я любопытным соседям, покачав головой на предложение отца семейства усыпить и его... гм... беспокойное чадо до самого Монрея.

Соврала, что с детьми это заклинание не работает.

Сама тоже решила немного подремать, потому что ехать нам оставалось еще часа три-четыре. Мы почти забрались на верхний участок серпантина, и где-то вдалеке и еще чуть внизу промелькнуло затянутое серебристой дымкой синее пятно.

Возможно, это уже было море.

Или мне показалось, потому что снова виднелись лишь туман и дымка?

Как бы там ни было, уже очень скоро должен был начаться спуск, потому что Монрей раскинулся у подножия горы, в которую лошади так долго и упорно тащили нашу нагруженную поклажей карету.

И я, закрыв глаза, принялась в который раз размышлять, что меня ждало впереди. Думала о том, как мы с Наной станем обживать в Монрее.

Перед самым отъездом, оставив в книжной лавке целых полторы лиреи, я раздобыла карту и долго ее рассматривала, прикидывая, что и как. Монрей оказался небольшим городком, но в нем имелись и собственная ратуша, и мэрия, и порт, и железная дорога, и даже тот самый Воздушный Вокзал, на который прибывали дирижабли из разных концов страны; и несколько театров, и даже цирк с кабаре.

Признаюсь, развлечения меня мало волновали – куда больше меня заинтересовало то, что в Монрее были две начальные школы, Высшее Женское Училище и Кадетский Колледж.

Я решила, что мне стоит поинтересоваться вакансиями в каждом из этих мест. Еще немного подумав, Кадетский Колледж все-таки отвергла, рассудив, что с мальчишками я вряд ли справлюсь: все же опыта преподавания у меня не было.

Впрочем, куда более перспективными для поиска работы мне казались отели. Быть может, мне найдется место в одном из них? В Монрее их было множество – от простых до роскошных, выстроенных на самом берегу, где предпочитали останавливаться знать и богачи Атрии.

По большому счету, город почти целиком состоял из этих самых отелей.

Еще меня очень интересовала Большая Морская улица. Помню, как я разыскивала ее, склонившись над картой, решив, что не удивлюсь, если так ничего и не обнаружу. Все еще не до конца верила в то, что это был не розыгрыш и мне подарили дом на морском берегу.

Нашла – улица оказалась довольно длинной; тянулась она вдоль берега, и еще – это была та самая первая линия, на которой было выстроено множество дорогих гостиниц.

Правда, располагалась Большая Морская в стороне от центральной набережной, главного променада и шумной суеты центра. Дом 45, по моим прикидкам, находился как раз неподалеку от Королевского Госпиталя и почтовой станции, куда и прибывал наш дилижанс.

Это нам с Наной было даже на руку – потому что мы приезжали только к семи часам вечера, а мне хотелось поскорее взглянуть на «Охотничий Уголок».

Так вот, по приезду в Монрей я сперва думала посмотреть на новый дом, решив, что если он будет закрыт, то мы с Наной остановимся на ночь в одном из недорогих отелей. На следующий день я собиралась посетить нотариальную контору Броккета, чтобы внести ясность в ситуацию с дарственной, а потом уже начать подыскивать нам постоянное жилье.

Признаюсь, я не спешила рассчитывать на то, что мы с Наной сможем остановиться в «Охотничьем Уголке». Будет хорошо, сказала я себе, если дом вообще существует, но обольщаться раньше времени не стоило.

Тут дорога снова резко свернула, Лилли Шеллс заворочалась, и Нана пересела на ее лавку. Положив голову девушки себе на плечо, пробормотала:

– Спи, спи уже! Ну же, все хорошо!..

Наша попутчица улыбнулась в полудреме, устраиваясь поудобнее, а я повернулась к окну.

Моря все еще не было видно – теперь обзор загораживали низкорослые лиственные деревья вперемешку с худосочными елками, тянувшие ветки к нашему дилижансу.

Наконец, тоже закрыла глаза, но уснуть не получалось. Мысли металась в голове – дом, дядя – как он мог так со мной поступить?! – «Охотничий Уголок», утраченные навсегда «Райские Птицы»...

Вздыхнула, устраиваясь поудобнее, затем подумала об отце. Слез не осталось – была лишь легкая грусть, а еще воспоминания.

Например, о том, что папа не привык сдаваться, сталкиваясь в жизни с трудностями посложнее моих. Не в характере Дорсонов было выкидывать белый флаг, поэтому я тоже собиралась бороться до последнего.

Стала вспоминать наши с ним разговоры, когда он приезжал, потерпев очередную неудачу, но заявлял, что ни за что не отступится от своих планов. Потому что короткий путь в Кракатан все-таки существовал.

К тому же в последнее время отец загорелся новой идеей. Заявил мне, что наш мир вовсе не плоский, как мы привыкли считать, а представляет из себя шар. Да-да, огромный шар!..

И если все время плыть в одном направлении, то можно будет вернуться в ту самую точку, из которой началось движение, обогнув тот самый земной шар. Он собирался это проверить, но уже после того, как вернется из последней экспедиции.

Мы долго с ним спорили на эту тему – аж до хрипоты, – потому что я не спешила верить новомодным теориям. Какой еще шар, где это видано?! Нет же, все совсем по-другому!..

Учеными давно доказано, а магами подтверждено, что наша земля плоская. Правда, до самых ее краев мы пока еще не добрались, но, быть может, отец с его упорством однажды их обнаружит. Но сорваться и полететь вниз невозможно, потому что землю накрывает купол небесного свода, который раз в день обходит небесное светило.

На ночь солнце скрывается из виду, потому что оно уходит на другую сторону мира и светит тем, кто живет у нас под ногами.

Признаюсь, в этом месте моя логика начинала сбоить, да и маги с учеными не могли дать внятных объяснений – я спрашивала об этом у своих преподавателей и искала в книгах. Никто попросту не знал...

Не понимал, что и как происходит в Нижнем Мире и какие законы природы в нем действуют.

Но спросить у обитателей того мира не было никакой возможности, потому что все наши контакты заканчивались плачевно. Существа, которые иногда прорывались к нам из недр земли, были настроены крайне агрессивно.

В истории несколько раз случались эти самые прорывы, когда образовались трещины и разломы, из которых хлынули, наводняя наш мир, те самые существа.

Дома, в «Райских Птицах», у меня была книга с их классификацией – почти двадцать сущностей, в чьей кровожадности ни у кого не было сомнений. Их называли виртами, в народе – демонами. Последнее нападение виртов произошло три столетия назад, после чего магам удалось затянуть трещины, из которых они к нам проникали, и прорывов больше не случилось.

В той самой книге была карта старых разломов, но, сколько бы сейчас я ни напрягала память, я так и не смогла ее вспомнить. Мне казалось, что один из этих разломов проходил где-то неподалеку от этих мест, но я ни в чем не была уверена.

Нет же, кажется, все-таки не здесь, а значительно дальше от этих мест!

Зевнула.

Затем зевнула еще раз, едва успев прикрыть рот рукой. Положила голову на мягкую подушечку – Нана позаботилась и об этом. Закрыла глаза и под мерное покачивание повозки все-таки заснула.

Мне снились «Райские Птицы» и еще то, что я парила в бесконечном небе, а подо мной раскинулась не менее бесконечная морская гладь.

Когда я снова открыла глаза, отказалось, что мы уже приехали. За окном стоял вечер, и во все стороны раскинулся Монрей.

Дилижанс прибыл на почтовую станцию, и уже очень скоро мы выбрались из повозки, разминая уставшие ноги и затекшие спины, после чего принялись дожидаться, когда кучер поможет нам с вещами.

К нему выстроилась целая очередь – мы опоздали больше чем на час, и наши попутчики горели желанием поскорее отправиться по домам и делам. Я тоже горела похожим желанием, но в давке возле дилижанса участвовать не стала и Нане не позволила.

Вместо этого мы отошли чуть в сторону, дожидаясь своей очереди. Я принялась оглядываться – вокруг стояли невысокие одно- и двухэтажные дома, во многих из них уже горели окна – начинало стремительно темнеть. Впрочем, куда больше одинаковых деревянных строений мне хотелось увидеть море.

Правда, его отсюда было не разглядеть, потому что дома загораживали обзор, но я знала, что оно рядом; дышало шумно и влажно, и я не только его чувствовала, но и слышала сквозь гомон людских голосов. Ощущала, как с каждым своим вздохом оно волнами накатывало на песчаный берег или же разбивалось об острые пики волнорезов.

И тут же выдыхало, откатываясь обратно.

Впрочем, давка возле дилижанса быстро сошла на нет, и нам с Наной сунули наши вещи. К тому же прибывал еще один дилижанс из Арберга, небольшого курортного городка чуть дальше по побережью, поэтому я вцепилась в свой саквояж одной рукой, другой подхватила Нану, потянув ее в сторону распахнутых дверей почтовой станции.

Нам туда было не нужно, но я успела заприметить нескольких извозчиков сбоку от здания. А еще заметить, как с потерянными видом крутила головой Лилли Шеллс, похоже, разыскивая тех, кто должен был ее встречать. Потертый коричневый чемоданчик стоял возле ног девушки.

– Мисс Дорсон! – неожиданно раздался возле моего уха каркающий мужской голос, на что я, признаюсь, вздрогнула и чуть было не подпрыгнула, потому что не заметила, откуда взялся тот человек.

Вернее, людей здесь было слишком много, настоящая толчея – и прибывших, и встречающих, и провожающих, и отправляющихся куда-то на юг Атрии ночным рейсом, поэтому я попросту не обращала на суету внимания.

К тому же нас в Монрее никто не должен был встречать. О письме с щедрым подарком и о том, что я отправлюсь сюда на дилижансе, знал лишь бывший дядин поверенный, который не был склонен болтать о делах клиентов. А даже если бы таинственный даритель позаботился еще и о встрече, то он бы стал поджидать меня на Воздушном Вокзале, а вовсе не на почтовой станции!..

Как бы там ни было, передо мной стоял высокий худой мужчина. Он был в годах, но я бы не решилась назвать его стариком, хотя его спина слегка сгорбилась под тяжестью лет, а лицо изрезали глубокие морщины.

Но он все еще был полон сил и, как мне показалось, себе на уме. По крайней мере, обладал язвительным характером, потому что губы его саркастически кривились, придавая ему желчный вид.

Одет мужчина был дорого – я успела оценить каракулевый воротник его роскошного черного пальто и перевести взгляд на резную трость с золотым набалдашником, которую он сжимал в руке.

– Барли Мольен, к вашим услугам! – представился он, на что я мысленно пожала плечами. Никогда о таком не слышала. К тому же его инициалы не совпадали с именем дарителя. – С приездом в Монрей, мисс Дорсон!

– Доброго вам вечера, господин Мольен! – отозвалась я вежливо. – Ну что же, раз вы знаете, как меня зовут, то я надеюсь, что вы напомним, при каких обстоятельствах мы с вами познакомились. Признаюсь, я запомнила.

Тут ко мне подошла Нана, и Барли Мольен изменился в лице. Кинул на нее полный безразличности взгляд, нисколько не собираясь скрывать своего отношения к людям другой расы.

И мне это нисколько не понравилось.

– Это Нана, – сказала ему, изобразив на губах любезную улыбку, – моя компаньонка и правая рука. Поэтому если у вас есть ко мне дело, господин Мольен... А дело, судя по всему, у вас есть, то я буду рада вас выслушать. Но исключительно в ее присутствии.

Мольен поморщился, не скрывая своего недовольства, но, похоже, причина была довольно важной, поэтому он взял себя в руки и даже постарался придать своему лицу любезное выражение.

– Признаюсь, я не удостоился чести знать вас ранее, мисс Дорсон! – пожевав губы, произнес он. – Зато я знаю, кому сейчас принадлежит «Охотничий Уголок». Вы его новая владелица, – и его голос прозвучал обвиняюще, словно он был недоволен этим фактом.

Я склонила голову.

Пусть я еще не видела свою собственность, но в Монрее меня уже поджидали сюрпризы. Вернее, проблемы – этот важный господин с язвительным выражением на лице вряд ли был предвестником хороших перемен в моей жизни.

– Вы правы, господин Мольен, это моя собственность. Но по какому вопросу вы меня разыскали?

– Старый дом и запущенная земля граничат с моим отелем, – таким же недовольным тоном сообщил он. – Владелец «Звезды Монрея», – склонил голову, – к вашим услугам!

– Значит, «Звезда Монрея»... – отозвалась я задумчиво. Ну что же, если меня не подводила память, то «Звезда» была в списке самых дорогих и роскошных отелей Монрея.

– Самое престижное место в городе, – не скрывая превосходства в голосе, произнес Мольен.

– И чем же я... гм... удостоилась подобной чести?

– Я здесь для того, мисс Дорсон, чтобы сделать вам лучшее предложение в вашей жизни! – заявил он без обиняков.

– Даже так? – удивилась я, впрочем, давно уже поняв, что именно он собирался мне предложить. – Речь пойдет о продаже «Охотничьего Уголка», не так ли?

Но при этом я терялась в догадках... Зачем владельцу «Звезды», самого престижного отеля в городе, понадобились старый дом и запущенная земля, как он их назвал? Неужели потому, что они портили вид из окон его гостиницы?!

– Именно так, юная мисс! – отозвался Мольен, и я поняла по его взгляду, что он был полностью уверен в том, что я приму его предложение. – Этот дом вам совершенно ни к чему! К тому же, как я уже говорил, он стар и порядком обветшал, а у вас нет денег на то, чтобы его не только восстановить, но еще и содержать.

– Откуда вы знаете, имеются ли у меня деньги или нет?

– Я деловой человек, мисс Дорсон! – отозвался Мольен снисходительным тоном. – И у меня было время навести о вас справки.

И мне это нисколько не понравилось. Ни то, что он наводил обо мне справки, ни то, что явился меня встречать – наверное, дядин поверенный все-таки проговорился, что я поеду на дилижансе, – и еще то, что он успел подсчитать мои деньги, которых – тут Мольен прав – у меня почти не было.

Сто тридцать лир лежали в кошельке, надежно спрятанном в потайном кармане, а еще пять на мелкие и непредвиденные расходы я оставила в маленькой сумочке, висевшей на боку.

Тем временем Мольен продолжал:

– Ваш отец – герой Атрии и первопроходец адмирал Натан Дорсон, но репутацию вам серьезно подпортил дядя, который явно пошел не в вашу породу. Высшее общество Монрея гарантированно вас не примет, мисс Дорсон! Если только...

– Если только вы мне в этом не поможете, не так ли, господин Мольен? Судя по всему, это тоже будет входить в сделку, которую вы собираетесь мне предложить.

– Именно так! – кивнул он. – Ну что же, в разумности вам не отказать, мисс Дорсон! Поэтому вы продадите мне старый дом, и я дам вам за него хорошую сумму. Скажем так, тридцать... – Тут он окинул взглядом мое дорожное платье и плащ – самые простые из всего, что у меня было, потому что остальное, получше и подороже, я продала еще в Хардене. – Вернее, двадцать девять тысяч лирей.

На это я склонила голову – несмотря на явную скупость и высокомерное отношение, сумма, которую озвучил Мольен, и правда была неплохой. Единственное, я еще не видела «Охотничий Уголок», но в голову тут же полезли мысли, расталкивая друг дружку, и принялись вести подсчеты...

Двадцать девять, а то и тридцать тысяч, если, конечно, поторговаться с Мольеном... Нет же, на то, чтобы выкупить свою собственность и земли в Сонбери, этих денег все равно бы не хватило, да и противный Парсон, подозреваю, из мести не стал бы продавать мне «Райские Птицы».

Но за эти деньги я бы могла... Да, я могла приобрести в том же Сонбери что-нибудь поменьше и попроще. К тому же у нас с Наной даже бы осталась небольшая сумма на черный день.

Вместо этого я разогнала эти мысли, уверенно посмотрев господину Мольену в глаза. У меня не было никаких сомнений в том, что неведомая собственность в Монрее стоила в разы дороже – то-то он сам явился на станцию и предложил сделку, в которую входили также его покровительство и... проживание в «Звезде Монрея» до конца этого курортного сезона.

– За это время вы, мисс Дорсон, уверен, найдете себе достойного мужа, – произнес Мольен. – И я даже приложу к этому определенные усилия, представив вас как свою дальнюю родственницу, – намекнул он. – Это позволит затереть не слишком приятное пятно на вашей репутации.

Замолчал, уставившись на меня выжидательно. Склонил голову, напомнив мне старого, склочного ворона, дожидавшегося, когда добыча сама упадет тому в клюв.

– Ваше предложение звучит довольно заманчиво, – отозвалась я.

На это Мольен кивнул, словно я уже со всем согласилась, затем заявил, что его карета рядом и по дороге к «Звезде» я смогу изучить договор купли-продажи. Бумаги готовы, дело осталось лишь за моей подписью.

– Но вы меня не дослушали, – покачала я головой. – Ваше предложение довольно заманчиво, господин Мольен, но я не готова его принять! К тому же я не могу вам пообещать, что когда-либо его приму. Мне нужно время, чтобы хорошенько все обдумать.

Он уставился на меня недовольным взглядом.

– И почему же вы не готовы его принять, мисс Дорсон?

– Потому что я еще не видела свой дом, – ответила ему любезно. – Но вы и сами должны об этом знать, господин Мольен, раз уж наводили обо мне справки. Также вы должны были узнать, что не в моей привычке разбрасываться имуществом, о чьей истинной стоимости я не имею никакого понятия.

– Вот именно, вы понятия не имеете! – вырвалось у него, на что я решила, что про себя Мольен добавил: «глупая, вздорная девчонка». – Этот дом вам совершенно ни к чему, мисс Дорсон, но он стоит рядом с моей землей и моим отелом, и он мне нужен! Я дам вам два дня на раздумья – только в этом случае вы получите всю сумму, которую я озвучил... Вернее, мое предложение действует только сегодня. Но если вы придете ко мне завтра, то получите двадцать восемь тысяч, а послезавтра – уже двадцать семь...

– То есть, через двадцать семь дней я уже ничего не получу? – поинтересовалась у него. – А на двадцать восьмой мне и самой придется вам доплатить? Кажется, именно по такому принципу строятся ваши расчеты, господин Мольен!

– Сомневаюсь, что вы продержитесь здесь так долго, мисс Дорсон! Вы понятия не имеете, что происходит в этом городе! – произнес он резко. – Хотя вы правы в одном – если вы продолжите упираться, то сумма будет значительно ниже, а моего расположения вам больше не видать. Подумайте хорошенько, готовы ли вы видеть меня, Барли Мольена, в своих врагах?! Серьезно не советую вам этого делать, если вы собираетесь остаться в Монрее! Вы себе не представляете, с кем столкнулись!

Огорошив целым ворохом угроз, он еще немного погипнотизировал меня взглядом – наверное, дожидаясь моего согласия на сделку. Но так ничего и не дождавшись, резко развернулся – взметнулись полы черного пальто, – снова напомнив мне старого ворона. Затем Мольен прикрикнул на слугу и зашагал, тяжело опираясь на трость, к своему роскошному экипажу.

На черном лакированном боку, освещенном только что загоревшимися вдоль улицы фонарями, оскалившийся лев держал в пасти звезду.

«Звезда Мольена», вот что гласила золотая надпись.

Наконец, экипаж Мольена укатил, на что я, признаюсь, вздохнула с явным облегчением, потому что владелец «Звезды» успел посеять во мне зерна тревоги.

Пусть внутренний голос твердил, что я поступила правильно, но в то же время этот самый голос подсказывал, что встреча с господином Мольеном могла привести в будущем к крупным неприятностям. Мне не стоило с ним ссориться, потому что мой отказ продать «Охотничий Уголок» означал, что спокойной жизни в Монрее уже не видать.

А ведь мне так понравились чудесный вид на море – я наконец-таки смогла разглядеть его в просвете между домами – и спокойная атмосфера приморского городка, вдоль чистых, вымощенных брусчаткой улиц которого уже начинали зажигать фонари.

Но это вовсе не означало, что я должна сейчас же продать то, что мне принадлежало, причем за сомнительную цену первому встречному, пусть он и был владельцем дорогого отеля и вел себя, как хозяин города!

– Вот же старый черт!.. – вырвалось у Наны.

Произнесла она это на восторском, но я все же поморщилась, потому что прекрасно знала этот язык.

– Не стоит тратить свои нервы и брать его слова в голову, – сказала ей. Затем добавила: – Ничего, я что-нибудь придумаю! А сейчас давай-ка мы с тобой лучше отыщем извозчика.

Но вместо извозчика мы отыскали Лилли Шеллс. Вернее, девушка сама подошла к нам с заплаканными глазами и уставилась на меня с жалобным видом. Она даже не пыталась скрыть своих слез и своего отчаяния.

– Что случилось? – нахмурилась я, подумав, что ее кто-то обидел.

Нана тут же протянула Лилли чистый носовой платок, пробормотав, что она знает нас, юных девиц!.. Чуть что, мы сразу в слезы, а платка у нас никогда нет.

– Отец за мной так и не приехал, – всхлипнув, призналась Лилли. Взяла у Наны платок и принялась вытирать глаза, и я заметила, как тряслись у нее руки. – А ведь я послала ему письмо, и он ответил, что обязательно меня встретит. Но дилижанс опоздал почти на час... Да, я знаю, что по моей вине, но папа должен быть здесь... Только его нигде нет, и никто его не видел. Я уже спросила у сторожа и служащего станции, но его здесь не было, они бы запомнили. Теперь я не знаю, что мне делать и куда идти на ночь глядя. Кроме отца у меня никого нет, да и денег совсем мало, – призналась мне Лилли, после чего зарыдала еще пуще.

Выглядела она совершенно беспомощной, и я вспомнила, что она только что закончила закрытый пансионат при монастыре Святой Ефании, – то-то сейчас Лилли показалась мне нежным цветком, оторванным от жизни.

– Ты можешь пойти с нами, – разрешила ей. – В Монрее мне достался в наследство старый дом. – Такая версия звучала куда более правдоподобно, чем история с дарственной от анонима. – Если ты ничего не имеешь против, сперва я бы хотела на него посмотреть, а потом

мы подыщем себе недорогую гостиницу. Если у тебя не хватит денег на отдельную комнату, ты сможешь переночевать вместе с нами, а завтра утром будем думать, что делать дальше.

Лилли взглянула на меня с благодарностью.

– Скорее всего, с папой ничего не произошло, – пробормотала девушка. – Он просто... Просто перепутал дни, такое с ним иногда случается. Или же оказался занят на службе и не смог вырваться. Он у меня офицер... Я знаю, что их расквартировали где-то рядом с Монреем. Нет, не в самом городе, – она покачала головой, – иначе я бы отправилась его искать. Его зовут Клеменс Шеллс.

В этот момент в моей памяти что-то шевельнулось. Появилось странное чувство – словно наружу пыталось выбраться давно позабытое воспоминание.

Кажется, что я где-то уже слышала это имя...

Но воспоминание так и не выбралось, поэтому, пожав плечами, я заявила, что нам не стоит стоять на ветру, дожидаясь, пока окончательно стемнеет.

Вместо этого мы уже очень скоро поймали извозчика, с которым я договорилась о вполне сходной цене. Он помог загрузить наши вещи, после чего повез нас на Большую Морскую улицу, где стоял дом под названием «Охотничий Уголок».

Тот самый, который совсем недавно пытался выкупить у меня Барли Мольен.

Глава 3

На место мы прибыли довольно быстро – ехали от силы минут семь – восемь, – но по дороге я успела многое разузнать от разговорчивого извозчика в черном плаще.

Например, что «Охотничий Уголок» до этого принадлежал лорду Чарльзу Вестону.

Вестон его и построил – вернее, его прадед, Исая Вестон, когда Монрей был еще небольшой рыбацкой деревушкой.

Дом стоял на опушке леса, спускавшегося к самому берегу, но постепенно деревья вырубали, расчистив место сперва под виноградники, а потом, когда Монрей принялся стремительно разрастаться, завоевав славу морского курорта, эти самые виноградники сменили отели и доходные дома.

Впрочем, дом тоже несколько раз переставали, и одно время Вестон даже жил здесь со своей семьей. Но потерял к нему интерес, когда младший из его сыновей попал на яхте в шторм и утонул в бухте Монрея.

Жена Вестона давно умерла, старшие дети разъехались кто куда, ведя самостоятельную жизнь, поэтому после той трагедии старый лорд отбыл то ли в столицу, то ли в леса Бартенвиля, где и дичи побольше, и не встречается нежить...

– Какая еще нежить? – растерялась я.

Но, оказалось, мы уже приехали, и ответить кучер так и не успел.

Коляска остановилась возле высокой кованой ограды – она была длинной и терялась в ночной черноте улицы. На закрытых воротах висел внушительных размеров замок. За оградой раскинулась темная территория с вырисовывающимися на черном небе кронами деревьев. Где-то вдалеке высилась громада светлого дома – был он двухэтажным, с угадывающимися колоннами на фасаде и сиротливо горевшим окном на первом этаже.

На противоположной стороне улицы ничего не оказалось – лишь дорога, склон горы и какие-то длинные здания амбарного типа, за которыми чернел лес.

Темно, пустынно и безлюдно.

Правда, по правую руку в паре-тройке сотен метров от нас устремлялось в небо освещенное многоэтажное здание. Подозреваю, это была та самая «Звезда Монрея», с владельцем которой я уже успела познакомиться. По левую темнели корпуса Королевского Госпиталя Монрея, но я бы их не заметила, если бы извозчик не ткнул в ту сторону рукой.

Нам же, как оказалось, именно сюда.

Нана что-то пробормотала на восторском, я не расслышала. Лилли взглянула на меня испуганно, словно я привезла их на растерзание нежити.

Признаюсь, я тоже не спешила выходить из коляски.

– Погодите! – повернулась я к кучеру. – Нам нужно было на Большую Морскую, 45!

– Так мы на месте, мисс!..

– А где же... гм... «Охотничий Уголок»?

Потому что за железной оградой стоял огромный особняк, и никаких маленьких охотничьих домишек не было и в помине.

– Так это он и есть, бывший дом Вестонов!

– Где?!

– Да вот же он, – кучер махнул на особняк. – Говорю же, Вестоны всегда жили с размахом! Такого он не говорил, но возражать не было смысла.

– Похоже, охотились они тоже с размахом, – пробормотала я, понимая...

Признаюсь, я ничего не понимала.

– Вы уверены, мисс, что вам именно сюда? – кучер тоже засомневался. – В доме давно никто не живет лет пять, а то и больше. Лишь пара слуг, которым, говорят, Вестон платит сущие крохи на содержание дома.

– Да, я уверена, – отозвалась я глухо, хотя и не была. – Нам именно сюда!

Затем первая ступила на землю – вернее, на шуршащий гравий возле железных ворот, без энтузиазма посмотрев, как высаживались из коляски Нана и Лилли, которым я сказала забрать с собой вещи.

Потому что... Раз уж в доме горело окно, то я решила все-таки пойти и постучаться в дверь своей новой собственности. Признаюсь, я все еще не могла поверить, что мне подарили именно этот дом – огромный особняк в целых два этажа, с десятком окон на поддерживаемом колоннами фасаде.

Это вовсе не были какие-то там развалины, как уверял меня пытавшийся сбить цену Мольтен. Ясное дело, дом ему был нужен, и еще стоил он вовсе не... двадцать девять тысяч лир, которые он пытался мне сосватать.

Я понятия не имела, какова истинная цена подобной собственности. К тому же я терялась в догадках, почему Мольтен не купил особняк Вестона раньше, если, по словам кучера, тот пустовал уже много лет.

Я вообще ничего, ничего не знала!..

Но сперва не помешало бы удостовериться в том, что это мне не снится, поэтому я украдкой ущипнула себя за руку. Все еще надеялась, что вот-вот открою глаза и окажусь в своей спальне в «Райских Птицах», под лоскутным одеялом с вышитыми Наной орнаментами, а на комодке будет стоять букет весенних цветов из оранжереи.

Заморгала – никаких «Райских Птиц» не было и в помине, зато темная громада дома стояла совсем рядом, а где-то неподалеку шумело море. Затем я посмотрела на внушительный замок на воротах, после чего подошла и подергала ручку на калитке. На ней замка не было, поэтому я, совсем немного поколебавшись, все-таки ее распахнула – открылась калитка со скрипом, словно обитатели дома давно уже не ждали гостей.

Вздрыгнув, я повернула голову, потому что услышала не только это. Вскрапнула лошадь, а потом застучали колеса по мостовой – извозчик все-таки решил нас покинуть, отправившись по своим делам.

Вот и я тоже...

Решив, что делать нам все равно больше нечего – вернее, отступать уже некуда, вошла в калитку и поманила за собой Нану и Лилли.

Дорожка, не в пример улицам Монреа, которые были ровно и аккуратно вымощены брусчаткой, оставляла желать лучшего. Очень скоро я провалилась в первую яму, пребольно подвернув лодыжку, а потом сразу же и во вторую, потому что все фонари на территории «Охотничьего Уголка» стояли черными.

Вскоре дорожка стала раздваиваться, и я застыла на развилке. Левая тропинка вела в темный сад – я видела, как шевелились на морском ветру кроны деревьев, – за которым высилась не менее темная башня флигеля.

Неожиданно мое внимание привлекло движение в небе – со стороны моря к Монрею подлетало продолговатое светящееся тело. Судя по всему, это был тот самый дирижабль, на котором мне следовало прибыть в город, и сейчас «Слава Атрии» как раз приближалась к Воздушному Вокзалу.

– Пойдемте уже, мисс Робин! – пробормотала догнавшая меня Нана. – Нечего стоять на ветру! – и покосилась на темный сад, украдкой сделав жест, отгоняющий демонов.

Пусть Нана ничего не сказала вслух, но, кажется, это место ей не слишком-то пришлось по душе, да и мне было порядком не по себе – особенно после слов извозчика о нежити.

– Ты права! – сказала ей. – Нужно идти.

Впрочем, довольно скоро мы свернули на широкую подъездную дорогу, на которой, охнув, споткнулась уже Лилли, тихо пожаловавшись, что угодила в рытвину.

Следующий раз в яму угодила снова я, на что Нана недовольным голосом заявила, что юные девицы не только всегда ходят без носовых платков, но еще и никогда не смотрят под ноги. Молодое поколение, что с нас взять!..

Наконец, миновав круглую клумбу, мы поднялись по широким мраморным ступеням и застыли перед двухстворчатой деревянной дверью. Тут-то я и опомнилась...

Похоже, мой разум не только упал в обморок при виде особняка лорда Вестона, но и продолжал в нем валяться – только этим можно было объяснить тот факт, что я так и не зажгла магические светлячки по дороге к дому!

Зато я зажгла их сейчас – сперва один, а затем для верности еще и второй, – разглядев в неясном магическом свете медное дверное кольцо. Взялась за него, а затем, на миг закрыв глаза, все-таки решила попросить у Святой Ефании о помощи...

Или же лучше просить у Нее о защите?!

Так ничего и не придумав, два раза стукнула в дверь, после чего стояла, дожидаясь, когда нам откроют, и гадая, как именно встретит нас бывший дом лорда Вестона, неожиданно ставший моим.

Наконец, когда мне стало казаться, что нам не откроют, раздались старческие шаги, сопровождавшиеся надсадным кашлем, и скрипучий мужской голос не слишком вежливо поинтересовался, кого принесла недобрая на ночь глядя.

И еще – чтобы мы убирались восвояси, потому что в этом доме гостям не рады.

Не успела я ответить, как раздались еще одни шаги – но уже быстрые, семенящие, явно женские. Не ошиблась – на старика шикнули, после чего я услышала звук отодвигающегося засова, и дом Вестона распахнул перед нами свои не слишком гостеприимные двери.

Вернее, немного приоткрыл одну из створок.

В дверном проеме показалась женщина средних лет в светлом чепце и белоснежном переднике на черном платье – такие обычно носили горничные в богатых домах. Уставилась на нас удивленно, затем ее глаза округлились – наверное, она заметила Нану.

Подозреваю, в полумраке кожа моей бывшей няни выглядела даже не смуглой, а черной, и мне показалось, что горничная вот-вот упадет в обморок с перепугу.

Но она все-таки этого не сделала.

– Мисс Дорсон?! – выдохнула женщина, и ее голос прозвучал жалобно.

Глаза забегали, словно она пыталась определить, кто из нас троих та самая «мисс Дорсон», страшась, что ею окажется именно Нана.

Но я решила над ней смилостивиться.

– Это я, – подсказала ей. – Робин Дорсон, к вашим услугам!

– Но почему же так рано?! – пробормотала женщина. В свете двух магических светлячков я рассмотрела, что у нее было круглое, миловидное лицо, уже тронутое первыми морщинами; казавшиеся черными глаза, приятная улыбка и залегшие скорбные складки возле рта. – Нас предупредили о вашем приезде... Прислали письмо, но в нем было указано, что вы будете хорошо если через час, а то и два. У нас ведь ничего еще не готово, а отец так и не зажег фонари! Сказал, что не стоит тратить горячее почем зря, потому что дирижабль только что пролетел. «Слава Атрии», наверное, еще даже не приземлился!..

– Мы приехали на вечернем дилижансе, – отозвалась я вежливо. – Прошу вас, не стоит так переживать. – Потому что она явно переживала. – Поверьте, я рада уже тому, что вы нас ждали, пусть и немного позднее.

Признаюсь, это была несказанная удача – и весь этот дом, что уж тут говорить, и то, что нам не придется снова искать извозчика, а потом ехать куда-то в ночь, разыскивая место для ночлега.

Вернее, все это было несказанной удачей после того, что сотворил со мной мой дядя!

Но при этом у меня оставалось слишком много вопросов, которые я не собиралась задавать на крыльце.

Вот и Нана рассудила, что не стоит.

– У вас тут демоны ноги сломят! – заявила она ворчливо, после чего поинтересовалась, можно ли нам все-таки войти. Негоже держать двух молоденьких девиц на ветру – еще простынут, не дай Боги!..

На это горничная уставилась на нее во всех глаза, но затем, очнувшись, распахнула дверь и посторонилась, приглашая нас внутрь. Уже очень скоро мы оказались в просторном вестибюле с темными мраморными колоннами и обитыми деревянными панелями стенами, с которых на нас с неммым укором взирали... головы убитых животных.

Ну что же, и охотники, и таксидермисты постарались на славу – голов было под два десятка, и, признаюсь, мне стало порядком не по себе в этом урочище охотничьих трофеев. Не только мне – Лилли чуть ли не до боли вцепилась в мою руку, обведя испуганным взглядом стены.

Я ее понимала – оскалившиеся барсуки и голова медведя выглядели особенно жутко. Настолько, что даже Нана сделала знак, отгонявший зло.

Подозреваю, будь у моих спутниц возможность, они бы покинули это место как можно скорее. Но выбора у них не было, как, впрочем, и у меня – потому что теперь это был мой дом, и никакие звериные головы не могли повернуть меня в бегство.

Вместо этого я одобряюще сжала руку Лилли и улыбнулась Нане, после чего мы последовали за Моной – Мона Ксавье, так ее звали, а ее отец – Чарльз Ксавье, – и очень скоро покинули страшный вестибюль, очутившись во вполне уютной Большой Гостиной, обклеенной светлыми цветочными обоями и обставленной мягкой бежевой мебелью.

На стенах горело несколько светильников, но я, опомнившись, запустила под потолок еще два магических светлячка.

Он оказался неожиданно высоким – мои светлячки взмыли чуть ли не под самую крышу, вырывая из темноты перила второго этажа и огромную круглую люстру, висевшую на здоровенных толстых цепях, – это было устрашающее сооружение из сотни рожков и свечей.

– Прошу вас, присаживайтесь! – пробормотала Мона. Выглядела она порядком растерянной, словно не понимала, что ей делать дальше. – Вы, наверное, проголодались с дороги. Сейчас я закончу на кухне и подам ужин в столовую...

Но на кухню она не ушла. Вместо этого уставилась на нас с таким видом, словно была готова вот-вот расплакаться.

Потому что, как оказалось, Мона приготовила только одну спальню. Но кто же знал, что нас будет трое?!

Ох, Святая Ефания, она ничего, ничего не успела!..

– Мона, погодите! – выдохнула я. – Ничего страшного не произошло. Нет же, вам не стоит этого делать! – покачала я головой, когда сгорбленный Чарльз Ксавье со свисающими вдоль лица седыми космами попытался отнять у меня саквояж.

Судя по всему, отец Моны собирался отнести его в приготовленную для меня комнату на втором этаже – туда шла добротная деревянная лестница, хотя перила были порядком потертые, а в паре мест нуждались в починке. Мне показалось, что старый Чарльз попросту не дойдет до верха – упадет на этих самых ступенях, придавленный моим саквояжем!..

– Постойте! – заявила ему и его дочери. – Давайте мы с вами сядем и переведем дух, после чего вы мне обо всем расскажете. Нет, не нужно сейчас же бежать на кухню, ужин немного подождет. – Нана накормила и меня, и Лилли и еще угостила нескольких не побрезговавших взять еду из ее рук перед самым въездом в Монрей. – Но для начала я представлю вам остальных. Как я уже говорила, меня зовут Робин Дорсон. Это Нана, моя компаньонка, а это моя... –

Я перевела взгляд на нашу спутницу и запнулась лишь на долю секунды. – Это Лилли Шеллс, моя подруга.

– Мне очень приятно! – отозвалась та, но заявила это даже не Моне, а мне.

Вот так, повернула голову и улыбнулась искренне и открыто – мне показалось, Лилли была польщена тем, что я назвала ее своей подругой.

– Мона Ксавье, – вновь представилась растерянная горничная, а затем попыталась изобразить неуклюжий поклон. – Это мой отец Чарльз. – Старик буркнул нечто, что должно было сойти за приветствие. – А больше здесь никто не живет, мисс Дорсон! Этот дом раньше принадлежал лорду Вестону, но после ужасной трагедии с молодым лордом...

– Нам уже известно о трагедии, – отозвалась я, привлеченная едва заметным движением в полумраке вестибюля.

Уверена, в этом доме были и другие обитатели, потому что кто-то явно подсматривал за нами из-за колонны!

Нана тоже заметила, сдвинула черные брови.

– Да-да, после той трагедии, – продолжила Мона, – лорд Вестон больше никогда не возвращался в «Охотничий Уголок». Слишком много болезненных воспоминаний, так он нам и сказал. Затем перед отъездом распустил слуг, оставив только нас с отцом. Раз в месяц лорд Вестон высылал нам небольшое жалование и немного денег на содержание дома. Мы делали все, что могли...

– Все эти годы? – поинтересовалась я, подумав, что понятия не имею, сколько им платили и что мне делать с дочерью и отцом Ксавье.

Потому что деньги у нас с Наной были разве что на еду, и даже если я и найду работу, то этого хватит только на то, чтобы содержать самих себя.

– Да-да, все эти годы! – подтвердила Мона. – Но три дня назад пришло извещение, что дом наконец-таки продан и мы должны ждать новую владелицу. Вас, мисс Дорсон! В письме было указано, что сегодня вы прибудете на дирижабле, примерно в половине девятого вечера. И еще, что вы будете одни.

Сказав это, она повернула голову, устремив взгляд куда-то в дальний угол гостиной. Взглянула и я. Там стояли напольные часы – внушительное сооружение с потемневшим от времени циферблатом, на котором сколько бы я ни старалась, но со своего места так и не разглядела стрелки.

Впрочем, куда больше меня волновало другое.

– Кем было подписано то письмо? Кто его принес?

– Почтовый курьер, мисс Дорсон! В письме сообщалось, что дом продан, а в конце была приписка, во сколько вас сегодня ждать. И больше ничего, никакой подписи! Ах да, внизу стояли инициалы – Б. и Х.

На это я кивнула.

Ну что же, здесь меня тоже поджидал вполне прогнозируемый тупик. Загадка оказалась сложной, и так просто давать подсказки мне никто не собирался.

– Мы готовились к вашему приезду, мисс Дорсон, – покаянным голосом произнесла Мона, – но решили, что зажжем фонари и большую люстру, – она устремила взгляд под потолок, на устрашающую конструкцию из цепей, рожков и свечей, – чуть позже. Нам с отцом казалось, что все еще оставалось время...

И она снова засобиралась расстроиться.

– Не переживайте так, Мона! – отозвалась я. – Ни фонари, ни люстра этим вечером нам совершенно ни к чему. Значит, кроме вас в доме никто не живет?

Потому что я во второй раз заметила движение в вестибюле, но уже за ближайшей к нам колонной.

– Только мы с отцом, мисс Робин! – отозвалась та напряженным голосом. – Надеюсь, с вашим приездом ничего не изменится. Вернее, мы очень на это надеемся и все это время горячо молились Святой Ефании, чтобы вы позволили нам и дальше оставаться в доме. И прислуживать уже вам, как мы всегда верно служили Вестонам...

На это я не стала отвечать, хотя прекрасно понимала, что молитвы Святой Ефании семейству Ксавье вряд ли помогут, потому что денег на жалование мне пока что взять неоткуда.

Вместо этого улыбнулась, заметив еще одного обитателя дома.

– Интересно, кто же там прячется за колонной? – спросила я преувеличенно громким голосом. – Ладно уже, выходи! Я тебя вижу.

– Патрик, вот же дрянной мальчишка! – выдохнула Мона, и ее лицо исказилось от гнева. – Запретила ему приходить, сказала, что приедет новая хозяйка, поэтому чтобы в господский дом ни ногой!..

– Ваш сын? – улыбнулась я.

Вихрастый темноволосый мальчишка лет одиннадцати-двенадцати вышел из-за колонны как раз рядом с лестницей и уставился на меня с независимым видом. Глаза у него были темными, лицо симпатичным, и я подумала, что однажды из него вырастет настоящая гроза девичьих сердец.

– Нет же, мисс Дорсон, у меня нет детей! – покачала головой Мона. – Боги не дали ни их, ни мужа. Патрик ничейный, – призналась она, и мне показалось, что Мона вот-вот заплачет.

Нет, вовсе не из-за того, что у бедного Патрика не было семьи, а потому что все пошло не так, как она планировала, – и фонари они с отцом не зажгли, и люстра так и осталась висеть черным устрашающим кругом под потолком. А еще и Патрик, которому Мона запретила приходить, явился посмотреть на новую владелицу «Охотничьего Уголка»...

– Ничейный я! – подтвердил мальчишка с гордостью. – Я и моя сестра Юна, мы наши собственные!

– Значит, свои собственные, – покивала я с преувеличенно важным видом. – Понимаю, понимаю! А здесь вы просто живете?

– Приютила их я, – покаялась Мона, – по доброте душевной! Никого у них не осталось, а из приюта они сбежали, потому что не смогли там ужиться. Это дети моей подруги, мисс Дорсон, мы учились в одном классе. Она умерла полгода назад от кори, поэтому они... Вот они и живут во флигеле. Но они не будут вам мешать, клянусь Святой Ефанией! Но если вам не нравится... Одно ваше слово, мисс Дорсон, и я выставлю их вон. Демоны тебя побери, дрянной мальчишка! – замахнулась Мона на Патрика тряпкой, выловив ее из кармана передника, на что тот даже не пошевелился. Стоял он далеко, так что Мона все равно бы его достала. – Говорила тебе, не смей приходить в господский дом! Видишь, что ты натворил?!

Нана нахмурила брови, но я вскинула руку, потому что вполне могла со всем разобраться сама.

– Я хотел посмотреть на новую хозяйку, – насупившись, заявил Патрик, – а потом рассказать сестре, очень ли она страшная и прогонит ли нас на улицу или нет. Потому что в приют мы все равно не вернемся. Юну там обижали, а я пообещал маме, что всегда буду заботиться о сестре.

– И что, – спросила у него, – ты посмотрел?

– Посмотрел, – кивнул он.

– И как, очень я страшная?

– Не очень, – признался Патрик. – Только вы почему-то не слишком старая. Вернее, даже молодая, а хозяйка в таком доме должна быть очень старой. И вся в бриллиантах, и ходить, опираясь на трость. И шамкать челюстью, потому что ходить ей тяжело. – Затем добавил важно: – И еще потому, что бриллианты тянут ее к земле!

Не выдержав, я все же усмехнулась, Нана хмыкнула, а Лилли захихикала – слишком уж комичной получилась нарисованная Патриком картинка.

Впрочем, затем я сделала строгое лицо и произнесла:

– Значит, вы с сестрой живете во флигеле...

– Там много пустых комнат, – тут же вступила в разговор Мона, которой, судя по всему, было далеко не до смеха. – Когда-то в доме было два десятка слуг, но теперь остались только мы с отцом. Патрик иногда мне помогает – сбегать, принести то-се, поэтому я его и не гоню...

Мальчишка кивнул, заявив, что он очень старается, потому что мама всегда говорила: если хочешь чего-то достичь, нужно много учиться и работать. Пока что учиться им с сестрой негде – для этого надо вернуться в приют, но они не собираются этого делать. Но работать он всегда готов.

– Давай-ка мы поступим вот как! – отозвалась я. – Тебя и Юну гнать отсюда никто не станет, вы можете жить во флигеле и дальше. Но только в том случае, если ты продолжишь помогать по дому.

Мое предложение пришлось Патрику по душе. Он буквально расцвел, заявив, что сделает все, что от него потребуется.

Я кивнула.

– Твоя помощь нужна будет уже сейчас. Надо занести наверх наши вещи. Мы устали с дороги, а отец Моны не сможет это сделать. Затем ты покажешь мне, как спуститься к морю. Уверена, ты знаешь здесь все.

Мне очень хотелось поскорее отправиться на берег. Признаюсь, море последний раз я видела три года назад, когда отец брал меня в плаванье, так что я успела порядком по нему соскучиться.

И по отцу, и по морю.

– После этого ты позовешь свою сестру, – добавила я, – и мы все дружно поужинаем. Мона, еды хватит на всех?

Та неопределенно пожала плечами, пробормотав, что она что-нибудь придумает. Но мне и так было ясно, что все хлопоты возьмет на себя Нана. Она была великолепной кухаркой – подозреваю, в этом и заключался ее дар Богов.

Наконец, Мона выдавила из себя, что еды хватит на всех, после чего мы отправились наверх. Патрик к этому времени уже успел сбегать два раза – отнес на второй этаж мой и Нанин саквояжи, после чего вернулся за вещами Лилли, на что девушка взглянула на него с благодарностью.

Казалось, долгий день и полный переживаний вечер, а потом время, которое Лилли провела в мягком кресле бывшего дома лорда Вестона, окончательно лишили ее сил. Она с трудом поднялась на ноги и взобралась по лестнице – и шла едва ли быстрее, чем отец Моны.

Зато Нана шагала вполне бодро, да и со мной все было в полном порядке – наоборот, мне хотелось поскорее все осмотреть и побольше узнать о доме и прилегающей к нему территории, чтобы понять, что за собственность я получила.

После этого я собиралась хорошенько продумать, что мне со всем этим делать.

Что уж тут скрывать – дом был пугающе-огромным, и в нем, несмотря на устрашающий вид вестибюля, царил особая атмосфера. Она пришлась мне по душе, но при этом я прекрасно понимала, что денег на содержание этой собственности у меня нет.

Как и то, что на данный момент мне попросту нечем платить жалование слугам.

Тут мы поднялись по лестнице, оказавшись в длинном коридоре, огороженном перилами. Параллельно нашему по другой стороне шел еще один коридор, а разделял их тот самый прямоугольный «колодец» с внушающей уважение своими размерами люстрой на цепях.

В оба коридора выходило с десятков дверей – дальние терялись в полумраке, так что я не смогла подсчитать наверняка.

– На втором этаже десять покоев для господ, – заговорила Мона, подтвердив мои догадки. – Есть и гостевые, и хозяйские, хотя они почти ничем не отличаются. В каждом из них по две комнаты и собственная ванная. Я приготовила для вас эти, – она остановилась возле первой двери. – Здесь проживал лорд Вестон со своей женой, пока бедняжка не умерла. У леди Вестон оказались слабые легкие, и ни доктора, и ни маги ничего не смогли с этим поделать.

Произнеся это, Мона со скорбным видом нажала на ручку. Дверь со скрипом распахнулась, и мы проследовали в первую комнату. Горничная тут же принялась зажигать свечи, в чем не было никакой необходимости, потому что я запустила под потолок магические светлячки, после чего обвела взглядом уютную гостиную, обставленную добротной, пусть и немного старомодной, дубовой мебелью.

От обстановки веяло солидностью – как и от всего в «Охотничьем Уголке», – хотя время уже начинало брать свое. Оно вгрызалось в дерево, стены и ковры, оставляя на них безжалостные следы обветшания.

Впрочем, сейчас меня это мало волновало. Куда больше заинтересовала широкая софа в гостиной – что же, она вполне годилась для того, чтобы на ней спать. Затем я прикоснулась к внушительного размера письменному столу, после чего подошла к изящному трюмо, в зеркале которого отразился мой худой и темный силуэт.

– В остальных комнатах мебель сдвинута и накрыта покрывалами, – говорила тем временем Мона, – и раз в месяц я протираю там пыль. Но разбирать вторую комнату мы не стали. Я решила, что в этом нет особой необходимости. Мы с отцом думали, что вы прибудете одна, мисс Дорсон! Или же с компаньонкой, которая может остаться в ваших покоях. Но мы можем сейчас же освободить еще одну комнату...

– Можем, – согласилась я с ней, – но не станем. Этой ночью мы с Наной будем спать в одной кровати. – Я как раз вошла в спальню и остановилась возле той самой кровати с балдахинном, в которой, по большому счету, мог улечься чуть ли ни целый армейский взвод. – А Лилли вполне может устроиться на софе, она ничуть не хуже кровати. – Та покивала. – Это будет верным решением.

Затем попросила Мону как можно скорее приготовить постель для Лилли, не уверенная, что та найдет в себе силы спуститься к ужину, – выглядела девушка совсем уж бледной.

Ну что же, если так, подумала я, то ужин сам поднимется к ней.

Сама же решила, что мне стоит обязательно выйти на улицу и спуститься к морю, – с самого приезда в Монрей я не могла дожидаться, когда это произойдет. Нана, в свою очередь, заявила, что хочет увидеть кухню, – судя по ее лицу, она тоже должна была сделать это немедленно.

Оставив их с Моной разбираться, я сбежала по лестнице, поманив поджидавшего меня в гостиной Патрика и сказав тому, что он нужен мне как проводник.

Нет, не стоит зажигать на улице фонари, заявила старому Чарльзу, с кряхтением спустившемуся за мной со второго этажа. Я вполне обойдусь и с помощью магических светлячков.

Наконец, Патрик провел меня мимо кухни, из которой доносился аппетитный запах рагу – впрочем, уверена, с Наниными улучшениями все будет значительно аппетитнее, – после чего по моей просьбе мы заглянули в просторную столовую, где я устала на длинный стол с поцарапанной столешницей. Было еще несколько столов поменьше по соседству.

Затем зашли в Бильярдный Кабинет – правда, бильярдного стола в нем не оказалось, зато мне почудилось, что темные деревянные панели стен впитали в себя запах дорогих сигар и едва уловимый коньячный дух.

Заглянули в библиотеку – книги, в отличие от бильярдного стола, лорд Вестон забирать не стал, – но я решила, что осмотрю доставшееся мне сокровище уже завтра.

Вместо этого окинула быстрым взглядом Музыкальный – увидела белый клавесин – и Цветочный Салоны. В последнем цветов не обнаружила, зато заметила милые диванчики и

стены в пестрых обоях, – после чего мы с Патриком наконец-таки вышли наружу через распахнутую дверь черного выхода.

Миновали темную террасу – Патрик сказал, что там довольно скользко, особенно по вечерам и утрам, когда выпадает роса. Потому что доски на полу старые и местами прогнили. Однажды он даже упал и ударился головой, после чего перед глазами весело летали звездочки.

На это я сказала, что смотреть на звездочки на ночь глядя, поскользнувшись на гнилых досках, не самое разумное решение, поэтому туда мы не пойдем. Сама же мысленно себе пообещала, что взгляну и разберусь с террасой позже.

Я со всем разберусь позже!

Мне нужно время, терпение и еще чуть больше денег, чтобы привести этот дом в порядок, – потому что если первого и второго у меня водилось в достатке, то с последним наблюдались явные проблемы.

Наконец, мы с Патриком принялись спускаться по светлой мраморной лестнице, миновав несколько молчаливых фонтанов, на что мальчик поведал, что на берегу стоит лодочный сарай, а в нем какие-то магические накопители и насосы на магическом ходу – он как-то выпросил у Моны ключ и все детально осмотрел.

Но магия давно уже вся вышла, еще лет пять назад, и с тех пор, как уехал лорд Вестон, насосы и моторы никто не заправлял и не запускал. У Моны никогда и ни на что нет денег, поэтому фонтаны и бассейн стоят без воды.

На это я снова покивала, но на этот раз не стала ничего обещать – ни Патрику, ни себе, – понимая, что у меня тоже ни на что нет денег. Затем и эти мысли меня покинули, потому что я наконец-таки увидела море – черную бесконечную гладь со светящейся золотой дорожкой, которую оставляла луна. На этой глади тут и там виднелись покачивающиеся точки горевших на корабельных мачтах огоньков.

На миг я застыла, полной грудью вдохнув горьковато-влажный морской аромат, затем поспешила за Патриком, с каждым шагом слыша, как все громче и громче шелестели набегавшее на берег волны.

Уверена, море звало меня, готовое ластиться к моим ногам.

Правда, лестница показалась мне бесконечной и еще довольно скользкой от вечерней росы. Поэтому пусть мы и спешили, но я все-таки попросила мальчика держаться за перила – сломанные конечности были ни к чему ни ему, ни мне.

Вскоре добрались до искусственной насыпи, на которой белели контуры пустого бассейна. В полумраке мне показалось, что он повторял очертания Атрии, и я остановилась, чтобы получше рассмотреть это чудо.

Затем вздрогнула и чуть было не вцепилась Патрику в руку, хотя напугать меня было не так-то просто. Но мне почудилось движение в дальнем углу бассейна – словно кто-то большой и черный стремительно метнулся вдоль светлой стены, после чего затаился в дальнем углу.

На миг даже показалось, что я увидела свет, отразившийся в глазах зверя.

Сердце заколотилось, к рукам непроизвольно прихлынула магия, и я с трудом удержалась от того, чтобы кинуть в угол бассейна связующим заклинанием.

Признаюсь, обладая магическим даром, диких животных я не боялась, но головы мертвых зверей с оскаленными зубами в вестибюле «Охотничьего Уголка» произвели на меня удручающее впечатление...

Вместо этого трясущимися руками я зажгла еще один магический светлячок – при этом ругая кучера, который напугал меня своими словами о нежити и сделал это совсем не по делу.

Но быть может, в бассейне лисица или енот?! Почему бы и нет, лес-то рядом, а я уже невеста что себе вообразила!..

Впрочем, светлячки не помогли прояснить ситуацию – кто бы там ни бегал, в дальнем углу бассейна уже никого не было.

– Патрик, ты это видел?! – повернулась я к мальчишке.

– Что именно, мисс Робин? – заморгал он.

Принялся звать меня так же, как и Нана, и я не стала с этим бороться.

– Там, в пустом бассейне!.. Что-то было в дальнем углу, я видела это своими глазами. – Задумалась. – Может, в доме живут кошки или собаки?

Кстати, хорошее объяснение!

Хотя это не могла быть кошка – животное выглядело значительно крупнее. Насчет собаки я тоже серьезно сомневалась – двигалось оно все-таки по-другому.

– Нет же, мисс Робин! – отозвался Патрик после короткой заминки, а потом еще и отвел глаза.

Я уставилась на него, размышляя, зачем мальчику врать. Или же мне показалось?..

– Ну раз так... Послушай, сюда могли забрести дикие животные?

Эта версия казалась мне самой достоверной – к этой части Монрея горы и лес подступали очень и очень близко.

– Нет же, мисс Робин, здесь нет никаких диких зверей! – донельзя фальшиво отозвался Патрик.

Не успела я открыть рот и потребовать у него объяснений – кого именно здесь нет, если там точно кто-то есть! – как небо озарила ярчайшая вспышка. На миг стало светло, словно у нас наступил день не по расписанию, и прежде, чем я успела зажмуриться, но перед этим накинув на нас с Патриком магическую защиту, я все-таки увидела в бассейне темное большое тело зверя и распахнутую пасть, полную здоровенных зубов.

Но на этот раз куда ближе к нам, чем раньше.

И это... Признаюсь, раньше такого я никогда не видела – потому что мне показалось, будто бы вместо головы у животного была сплошная пасть!..

Кажется, я все-таки взвизгнула – тому причиной был и взрыв неподалеку, и нечто устрашающе-зубастое в мраморном бассейне в форме Атрии. Но животное снова метнулось куда-то в сторону и пропало, да и вспышка почти сразу же погасла, после чего до нас докатился громогласный раскат.

Затем налетел порыв ветра, принесший с собой запах гари – или же со мной сыграло очередную шутку воображение?

Но как бы там ни было – вернее, что бы это ни было, – взорвалось оно не на шутку.

Причем не слишком далеко от нас.

Рэнделл Корнвей, герцог Суэсский

Было уже около полуночи, когда Рэнделл устало потер виски, подумав, что ему все-таки стоит на пару минут оторваться от бумаг, за которыми он провел последние несколько часов.

Задание короля оказалось непростым – Густаву срочно потребовался трезвый взгляд на ситуацию, поэтому он попросил Рэнделла лично в ней разобраться.

И он разобрался – затребовал отчеты из Магических Контролей со всех концов Атрии, а в несколько мест – в те, где отчеты были совсем уж противоречивыми, – ему пришлось навещать самому. Теперь настало время изложить на бумаге выводы, которые не слишком его радовали, да и прогнозы были не сказать что утешительными.

Все-таки решив поскорее со всем закончить, Рэнделл вновь обмакнул перо в чернильницу. Ну что же, работа была сделана, дальше решение уже за королем.

Не успел он закончить с отчетом, как в дверь рабочего кабинета постучали.

– Входи, Артон! – позволил он секретарю, уверенный, что больше никто не мог потревожить его в столь поздний час.

Особняк на Дворцовой улице давно уже спал. Эйвери никто бы к нему не пустил, даже если бы та слезно умоляла под дверью, хотя она весь день пыталась к нему прорваться. Приезжала два раза, узнав, что Рэнделл вернулся в столицу, и засыпала его письмами, которые он оставил без ответа – и ее визит, и письма, потому что им давно уже все было сказано, а он не имел обыкновения повторять дважды.

Правда, с матушкой он все-таки поговорил.

Вдовствующая герцогиня явилась к нему в дорожной одежде и выглядела по сравнению с прошлыми разами значительно более спокойной. По привычке посетовав на отсутствие внуков и еще на то, что ее жизнь потеряла смысл, герцогиня с деловым видом сообщила, что отправляется в загородный дом на побережье.

Матушка собиралась дышать морским воздухом в Монрее, хотя до начала сезона оставалось еще три месяца. Оказалось, туда также отправляется еще и ее подруга, леди Филия Диксон, у которой имелся такой же великовозрастный балбес, как и Рэнделл. Его тоже никак не удастся выдать заму...

Вернее, заставить того жениться.

Услышав это, Рэнделл с трудом удержаться от смешка. Оказалось, подруга уже вылетела в Морней на дирижабле, так что матушке тоже стоило поспешить.

На это Рэнделл пожелал герцогине хорошей дороги и, как только за ней закрылась дверь и черная карета отъехала от дома, вздохнул с явным облегчением.

Судя по всему, герцогине найдется, чем заняться в ближайшее время, – разве это не отличная новость?! Две почтенные пожилые леди выбрали себе новую жертву – и он заранее сочувствовал сыну леди Диксон.

Как-то встречал его на одном из приемов – Корвин Диксон показался ему вполне приятным, хотя и немного чудаковатым, человеком, с головой погруженным в мир науки.

Что же так сильно его увлекало?

Рэнделл попытался вспомнить. Мысль крутилась в голове, но он никак не мог ее ухватить. То ли геология, то ли вулканология...

Тут, кашлянув, заговорил секретарь:

– Ваша светлость, я выяснил судьбу мисс Робин Дорсон! – произнес он трагическим голосом.

Рэнделл поморщился.

– Только не говори мне, Артон, что она покончила с собой, не пережив предательства своего дяди. Это было бы совсем не похоже на Робин Дорсон!

– Нет, ваша светлость! Счеты с жизнью мисс Дорсон не сводила, но с ней произошло другое, не менее ужасное несчастье.

– Какое несчастье? – нахмурился Рэнделл. – Ну же, Артон! Что ты стоишь, словно соляной столб!

– Дирижабль! – наконец, выдал из себя секретарь. – Ваша светлость, дирижабль, на котором летела мисс Дорсон, взорвался при посадке на Воздушном Вокзале Монрея. Только что сообщили...

– Взорвался дирижабль?! – неверяще переспросил Рэнделл. – Ты говоришь о «Славе Атрии»? В Монрей из столицы летает только он.

Секретарь кивнул со самым скорбным видом.

На миг разум Рэнделла затопили сразу же два диаметрально противоположных чувства – помимо резанувшей боли от осознания того, что Робин Дорсон, со слов Артона, постигла ужасная судьба, он почувствовал облегчение из-за того, что его вздорная матушка, как раз собрав-

шаяся в Монрей, считала новомодные летающие механизмы проделками демонов и никогда не соглашалась подниматься на борт.

Но, получалось, Робин Дорсон так не считала.

Из рассказа Артона выходило, что Робин Дорсон, дочь адмирала Дорсона, погибла во время крушения дирижабля при посадке в Монрее.

Разум категорически отказывался принять эту весть, поэтому Рэнделл покачал головой и с сомнением взглянул на своего секретаря.

– Ты в этом уверен, Артон?!

– Да, ваша светлость! Катастрофа произошла примерно четыре часа назад. Причины ее пока еще неизвестны, но мне удалось получить для вас подтверждение по пневмо-почте. Робин Дорсон была в списке пассажиров, и ее имя на данный момент значится среди погибших. Вернее, ее так и не нашли среди выживших, потому что до опознания тел пока еще не дошло. Там царит страшная неразбериха...

– Вот именно, неразбериха! – кивнул Рэнделл. – Подозреваю, такая, что в ней вполне могла произойти любая ошибка.

– Могла, ваша светлость! – угодливо отозвался секретарь.

– Дай-ка мне список пассажиров, Артон!

Вскоре Рэнделл раскрутил небольшой свиток, полученный из Монрея по той самой пневмо-почте, затем пробежал глазами по именам. Погибших оказалось около пятнадцати человек, причем, как и говорил Артон, большая часть тел все еще была не опознана, так что их имена были названы методом исключения.

Вернее, из списка пассажиров исключили тех, кто нисколько не пострадал, – таких счастливых было около двух десятков, но более чем ста пассажирам потребовалась помощь докторов и магов.

Остальных записали к погибшим, и среди них как раз числилась мисс Робин Дорсон.

Зато леди Филия Диксон с сыном Корвином, о которых говорила несколько часов назад матушка, а также Рекс Миллиган – его Рэнделл знал, Миллиган служил королевским поверенным по особым поручениям, – оказались в списке тех, кого забрали в Королевский Госпиталь Монрея.

К тому же в этом самом списке он обнаружил еще двух знакомых герцогини – старого лорда Воррена и недавно овдовевшую леди Валентину Флетчер.

– Вот что, Артон! – повернулся Рэнделл к своему секретарю. – Я заканчиваю отчет, после чего собираюсь срочно выехать в Монрей. Предупреди камердинера, пусть они начинают собирать вещи. Возможно, я задержусь там на какое-то время, потому что собираюсь контролировать ход расследования лично.

– Позвольте мне поехать с вами, ваша светлость! – неожиданно вызвался Артон, обычно остававшийся в столице.

Рэнделл кинул на него удивленный взгляд, но затем все-таки кивнул.

Ну что же, задача его ждала не из простых, так что помощь расторопного Артона в Монрее не помешает. Рэнделл думал возглавить расследование, о чем собирался незамедлительно известить короля.

Правда, сообщать Густаву о том, что это дело куда более личное, чем государственное, он не спешил, потому что Рэнделл собирался не только разобраться в причинах крушения «Славы Атрии» и найти виновных, но еще и выяснить, жива ли Робин Дорсон.

...Девушка, которая смотрела на него огромными синими глазами, рассказывая о морских путешествиях и дальних странах. Смеялась над его шутками, и на ее губах то и дело появлялась очаровательная улыбка, а он смотрел, как мечтательно загорались ее глаза.

Что бы с ней ни случилось – с Робин Дорсон и с остальными пострадавшими или погибшими пассажирами дирижабля, – они заслуживали правды, и Рэнделл намеревался до нее докопаться.

Глава 4

– Боги, да что же это такое?! – выдохнула я, уставившись на Патрика, понимая, что спросила у мальчика обо всем сразу и ни о чем одновременно. – Что могло там взорваться?!

– Не знаю, мисс Робин! – отозвался он растерянно. – Кажется, бабахнуло со стороны порта... Но если мы сейчас же побежим на волнорез, то можно будет все увидеть!

– погоди! – поймала я его за руку, потому что он уже собрался бежать. – На волнорез мы с тобой еще успеем. – Во второй раз взрываться ничего не спешило, так что с этим можно было повременить. – Что было там, в бассейне?!

– В каком бассейне, мисс Робин? – переспросил мальчик, округлив глаза. – Там ничего не было!

– Я все видела, Патрик! Там... Там было что-то зубастое! И мне показалось, очень опасное!

На всякий случай зажгла еще один светлячок, осветивший пустое белое нутро бассейна, и добавила магии к нашей защите.

– Вам показалось, мисс Робин! – вполне уверенно произнес мальчишка.

– Я видела это своими глазами, – возразила ему. – К тому же я еще не впала в старческий маразм.

Хотя уже начинала в этом сомневаться.

– Это котики, – неожиданно признался Патрик. – Бездомные котики, мисс Робин! Такие же, как мы с Юной. Вернее, мы-то с сестрой не котики, но иногда их подкармливаем. Они очень смешные...

– Смешные?! – переспросила я, засомневавшись в том, что в бассейне могли быть котики. И еще, что с таким количеством зубов животное может быть смешным.

– Наверное, они забились в старые трубы. Они всегда так делают, мисс Робин, когда мимо проходят старый Чарльз или Мона. А теперь они испугались вас и взрыва, и их еще долго не выманишь!

– Тот, кого я видела, не очень-то походил на кота, – упрямо выдохнула я.

На это Патрик лишь пожал плечами.

– Они просто большие, мисс Робин, и любят хорошо поесть. Но бежим же скорее, а то все интересное сгорит без нас!..

И принялся подпрыгивать на месте, переживая, что все и точно сгорит без нас.

– погоди, Патрик, мы сейчас уже побежим. А сколько их там, твоих... гм... смешных котиков?!

Этот вопрос меня тоже порядком тревожил.

– Два, – пожал он плечами. – Однажды они пришли и стали жить вместе с нами. Они очень ласковые, мисс Робин, и не кусаются, хотя зубы у них ого-го! Я вас обязательно с ними познакомлю, когда они вылезут из труб. А можно мы уже побежим?!

И я, с сомнением покосившись на темный бассейн, в трубах которого прятались те самые ласковые и смешные зубастые котики, зажгла еще один магический светлячок, чтобы не свернуть себе шею и ноги, после чего сказала Патрику, что можно.

И мы побежали.

Сперва по лестнице вниз, придерживаясь за перила, затем вдоль пляжа – на что я украдкой вздохнула, решив, что здороваться с морем стану позже. Спешили, проваливаясь чуть ли не по щиколотку во влажный песок, после чего забрались на волнорез.

Он находился в конце территории «Охотничьего Уголка», отгороженной от собственности Мольена высоким дощатым забором – на стороне «Звезды» я увидела подстриженную траву и множество фонарей, освещавших вымощенные плитками дорожки и ухоженные

газоны. Но волнорез, сложенный из огромных валунов, располагался на нашем участке, так что нарваться на неудовольствие Мольена нам с Патриком не грозило.

Уходил волнорез на добрых пятьдесят метров вглубь моря, но до самого его конца мы так и не добрались.

Если вначале передвигаться получалось вполне сносно, то чем дальше он забирался в море, тем все опаснее становилось перебираться или перепрыгивать с одного камня на другой. Сложены они были как Боги на душу положат, на часть из них постоянно накатывали волны, поэтому камни поросли скользкими, бурыми морскими водорослями.

Наконец, остановились где-то на середине, и Патрик заявил, что теперь-то ему все ясно. Как он и думал, взорвалось что-то в порту или же, скорее всего, рядом с ним – так сразу и не разглядеть, хотя пламя отсюда хорошо видно.

В этом Патрик был прав, я разглядела черный, в частых огоньках фонарей берег и оранжевое пятно там, где, по моим прикидкам, находился центр Монреа.

– Скорее всего, даже не в порту, – произнес мальчик глубокомысленно, – а на Воздушном Вокзале. Туда прилетают и садятся дирижабли.

Оказалось, Патрику нравилось на них смотреть, и он даже водил сестру, чтобы и та увидела, как они приземляются. К тому же как раз в это время должен был прибыть дирижабль из столицы, он знал все расписание наизусть.

Наверное, это он так и бабахнул, а теперь горит...

Услышав это, я неверяще покачала головой.

– Неужели взорвалась «Слава Атрии»?! – выдохнула в ответ, неожиданно подумав, что если бы я не сдала свой билет, то сейчас...

Нет же, разум упрямо отвергал эту мысль, и я решила, что такого попросту не могло быть. Путешествия на дирижаблях абсолютно безопасны – так кричали почти на каждом углу Хардена, засовывая в руки прохожим печатные листовки.

Скорее всего, пожару есть другое объяснение. Мало ли, взорвался порох на военном корабле или в арсенале либо керосин в городском хранилище? Или же магические накопители Монреа – вдруг они расположены как раз возле Воздушного Вокзала?

Тут раздался истошный звук клаксона, а за ним громкий звон колокола, на что Патрик, повернув ко мне худенькое лицо, уставился на меня круглыми глазами.

– Дело труба, мисс Робин! – произнес он с серьезным видом. – Это пожарный расчет со станции в нашем конце города... Но раз они туда едут, все очень и очень плохо!

На это я кивнула, кусая губы, почему-то несколько в этом не сомневаясь.

Говорили мы об этом за ужином – Мона приготовила к нашему приезду мясное рагу и яблочный пирог. Нана, слава Богам, молчала, хотя на ее губах время от времени появлялась торжествующая улыбка. Наверное, няня мысленно предвкушала, как покажет остальным, что такое настоящее рагу и румяный, с хрустящей корочкой яблочный пирог.

Впрочем, сейчас я почти не чувствовала вкуса еды, порядком взволнованная происходящим. Да и остальные с трудом находили себе место, а все разговоры за столом сводились только к одному – что именно могло взорваться в центре Монреа, ближе к порту.

Выходило, что дирижабль, на котором я должна была прилететь, но этот факт с трудом укладывался у меня в голове.

Ужинали мы в просторной столовой – накрыли большой стол, за который уселись всемером, несмотря на то, что старый Чарльз попытался сопротивляться, поинтересовавшись, где это видано, чтобы сидеть за одним столом с господами?!

Но я не была их госпожой, мысленно прикидывая, каким образом мне сообщить семейству Ксавье, что я не в состоянии выплачивать им жалование – тут бы самим с Наной продержаться до момента, пока я найду себе работу!

При этом я давно уже решила, что Мона, ее отец и дети смогут остаться в доме.

Места здесь достаточно, и гнать никого я не собиралась. Правда, нужно будет решить вопрос с продуктами, потому что я не знала, как долго у меня получится всех прокормить, а Мона в начале разговора вскользь упомянула, что кладовые почти пусты.

Но дети, конечно же, голодными у меня не останутся.

Думала об этом, но решила, что сейчас не самое подходящее время для такого разговора. И все потому, что через распахнутые окна столовой до нас долетало не только дуновение теплого морского ветерка, наполненного трелью цикад и пением ночных птиц, но и посторонние, крайне тревожные звуки.

То и дело раздавался звон колоколов, резкие оклики возниц и ржание лошадей, тянувших за собой нагруженные повозки. Они ехали по Большой Морской, направляясь к Королевскому Госпиталю Монрея.

К тому же Патрик только что вернулся от ворот – я не успела уследить, и он сбежал из-за стола, но, вернувшись, подтвердил мои догадки.

– Еще две подводы в госпиталь! – заявил он с торжественным видом.

Затем уселся на свое место и деловито переложил половину того, что у него было на тарелке, своей сестре.

Юна была на год его младше, такая же черноволосая, с тонкими чертами лица, но худенькая, словно ее вот-вот сдует ветер. Сидела и тарасилась на меня во все глаза, позабыв о еде, и даже не заметила благородного поступка брата. И лишь когда я ей улыбнулась несколько раз, сказав, что мне будет приятно, если она с нами поужинает, неверяще взяла в руки вилку.

Но так до сих ничего и не съела.

– Мона, если можно, подложите Патрику еще рагу, – попросила я, потому что меня не оставляло ощущение, что дети давно уже недоедали.

Это мне тоже предстояло выяснить – была ли причина в том, что Мона их не кормила, решив, что ее доброта закончилась, когда она дала им крышу над головой? Или потому, что Мона с отцом и сами жили впроголодь?

К тому же меня интересовало, почему дом и земля Вестона оказались в таком запустении. Я наконец-таки вспомнила, чем занимался бывший владелец «Охотничьего Уголка» – отец как-то упоминал о нем в наших разговорах. Но это было давно, поэтому его имя не сразу пришло мне в голову.

Вестону принадлежала крупная судовладельческая компания, и его корабли бороздили воды тридцати двух известных нам морей, развозя товары по всему обитаемому миру. Что уж тут скрывать, Чарльз Вестон был демонически богат, и я не сомневалась в том, что он был в состоянии присылать достаточную сумму на содержание старого дома, даже если этот дом оказался нисколько ему не нужен.

Но все выглядело так, словно Мона с Чарльзом сэкономили на всем подряд. Пусть «Охотничий Уголок» выглядел чистым, даже вылизанным до блеска, но он уже успел порядком прийти в запустение.

Тогда где же деньги?!

Об этом мне тоже хотелось поговорить с Моной, но, опять же, не этим вечером, потому что через окна в столовую вновь проник тревожный звон колокола, сопровождаемый стуком колес по мостовой.

– Четвертая подвода в госпиталь! – торжественным голосом возвестил Патрик.

Подскочил было с места, но на этот раз я не зевала.

Сказала мальчику, чтобы он тотчас же сел за стол, взял вилку в руки и нормально поел. Никто и никуда не побежит, пока мы не закончим с ужином. И тут же демонстративно положила в рот кусочек тушеного картофеля. Прожевала, после чего не забыла похвалить Мону за вкусное рагу.

Она расплылась в улыбке, на что Нана уставилась на нее ревнивым взглядом.

– Значит, четвертая подвода с ранеными в Королевский Госпиталь... – все же, не выдержав, произнесла я, нарушая воцарившееся за столом молчание. – И, судя по колоколам, она далеко не последняя.

Потому что звон снова нарастал, приближаясь со стороны центра Монрея.

– Интересно, куда они денут всех этих пострадавших? – пробормотала Мона. – Милостью Богов в госпитале хорошие доктора, а маги, говорят, лучшие на всем побережье. Только места в нем очень мало, а одно крыло сейчас и вовсе закрыто на карантин из-за кори. Нет же, туда больных не положить, они не станут так рисковать... А в другом крыле мест человек на двадцать-двадцать пять, не больше. Мне ли этого не знать! – добавила она со значением, покосившись на хмурого отца. – Наверное, если привезут больше людей, то придется оставить их на улице. Но мы будем молиться, чтобы не пошел дождь, потому что с гор в эту пору года к ночи обычно спускаются облака...

Тут раздался очередной тревожный звон – еще одна подвода проехала мимо «Охотничьего Уголка». Мы с Лилли переглянулись, потому что, подозреваю, нам в голову пришла одна и та же мысль.

– Пожалуй, на этом я закончила, – сказала я всем остальным, после чего, нахмурившись, уставилась на Патрика. – А вот ты, дорогой мой, обязательно доешь все, что у тебя на тарелке, и еще проследи за тем, чтобы сестра тоже осталась сытой. – Затем повернулась к Моне. – Спасибо вам за ужин! – хотя я знала, что впредь готовить в этом доме будет Нана.

– Вот, я тоже уже все доел! – с набитым ртом воскликнул мальчик. – А Юна уж как-нибудь сама... Правда, Юна?!

Его сестра заторможенно кивнула, все еще не спуская с меня испуганных глаз. Быть может, потому что я не шамкала челюстью и бриллианты не оттягивали мне шею, грозя упасть и рассыпаться под ногами?!

– Можно мне с вами?! Ну пожалуйста, мисс Робин! – заныл Патрик. – Вы ведь пойдете в госпиталь?! Возьмите и меня!..

– Робин, можно мне с тобой? – спросила Лилли. – Нас в монастыре учили ухаживать за больными. Надеюсь, что смогу быть полезной!

На это я кивнула – и на ее вопрос, и на нытье Патрика, – после чего поручила Нане присмотреть за тем, чтобы Юна все-таки поела, и напомнила Моне, что той стоит застелить постель для Лилли.

– И вот еще, – я остановилась в дверях столовой. – На всякий случай начинайте готовить и остальные комнаты. Чем Боги не шутят...

Впрочем, я ни в чем не была уверена, но уже очень скоро шагала по дорожке к воротам «Охотничьего Уголка» бок о бок с решительно настроенной Лилли. Если та и страдала от усталости и головокружения, то сейчас либо это умело скрывала, либо ее слабость чудесным образом испарилась.

Девушка выглядела полной сил и решимости.

Впереди нас бежал Патрик, показывая дорогу, хотя в этом не было никакой необходимости. Как тут потеряться, если мы вышли за ворота и сразу же его увидели – Королевский Госпиталь Монрея был всего лишь в трех сотнях метров от «Охотничьего Уголка»?!

Не прошло и пяти минут, как мы уже стояли возле каменного трехэтажного здания с освещенными окнами и распахнутыми дверьми. На крыльце и прилегающей к госпиталю тер-

ритории всюду суетились доктора и маги, стояли те самые подводы с пострадавшими, а еще подъезжали новые, как с пострадавшими, так и с досками и бригадой плотников.

Правда, подвод с ранеными оказался куда больше, чем тех, которых мы насчитали за ужином, – возможно, они подъезжали к госпиталю по другим улицам. Пострадавших тоже было очень и очень много, и я быстро поняла...

Да, поняла, что во всем этом хаосе с лежащими повсюду людьми – некоторых опускали напрямик на траву, а над ними склонялись встревоженные доктора, маги или монахини... Последние были все в белом и в необычных шапочках, и я узнала в них Сестер Милосердия из Ордена Святой Виргилии...

Так вот, очень скоро я поняла, что здесь и сейчас никому нет дела до наших с Лилли благих намерений. Но мы не собирались сдаваться – пока моя подруга разговаривала с одной из монахинь, я заметила неподалеку доктора. Кинулась к нему – мне показалось, что у него было усталое, но доброе лицо и он обязательно меня выслушает.

К тому же мне повезло – судя по всему, он был здесь за главного. По крайней мере, отдавал приказания строгим и уверенным голосом, и все его беспрекословно слушались.

Но вместо того, чтобы подойти и заговорить, я долго таскалась за доктором следом, не решаясь его отвлечь. Он склонялся то над одним пострадавшим, то над другим, затем, разгибаясь, зычным голосом интересовался, когда придут еще плотники, чтобы поскорее возвести палатки – не дай Боги сейчас пойдет дождь, а они не в состоянии работать в таких условиях!

Затем заявлял, что вот того господина срочно к магам, а этого в операционную, иначе они не дотянут до рассвета.

Так вот, я долго бегала за ним хвостом – доктор не обращал на меня внимания, – все время пытаюсь набраться смелости и заявить, что я тоже могу... Но потом, вдоволь насмотревшись на тех, кто лежал на подводах или на земле, на их страшные раны и ожоги, поняла, что нет...

Я не смогу.

Это было выше моих магических сил и человеческих умений – я попросту не в состоянии срывать эти переломы и убрать то, что сделал с людьми огонь взрыва. Такими вещами должны заниматься лекари и целители – те самые, с дипломами и опытом.

Но, быть может, есть те, кто не так сильно пострадал?

У меня неплохой дар, я научена снимать боль, заливать магию, запускать процессы регенерации или же погружать в магический сон – вот, с Лилли же удалось! – чтобы эти процессы шли как можно активнее.

На такое моих способностей вполне бы хватало.

А еще я могу подавать инструменты, таскать на себе раненых, бинтовать... Или же мы с Лилли можем принести еду и питье персоналу или больным... Правда, тут я немного засомневалась в собственных возможностях, потому что понятия не имела, что именно оставалось в кладовых «Охотничьего Уголка».

Так я и сказала доктору, все же набравшись смелости к нему обратиться. При этом моментально убрала нотки неуверенности из своего голоса, постаравшись, чтобы моя речь не была столь же бессвязной, как мои мысли.

– Единственное, в чем вы можете сейчас нам помочь, юная леди, – заявил тот – Густав Легран, вот как его звали! – когда все-таки удостоил меня проницательного взгляда через пенсне, – это сию же секунду достроить к госпиталю еще одно крыло. Потому что вот-вот начнется дождь, – он поднял глаза к черному небу, на котором не было видно звезд – их как-то слишком быстро затянуло облаками, – и больным это вряд ли пойдет на пользу. – Затем покачал седой головой: – Монрей никогда еще такого не видел – чтобы так много пострадавших за один раз! Признаюсь, я тоже такого не видел, хотя прожил на свете добрых шестьдесят лет.

Его голос прозвучало устало.

– Нет же, – отозвалась я, – еще одно крыло достроить выше моих сил, зато у меня есть дом, и он совсем рядом. Вот, его даже отсюда видно! Он всего лишь в нескольких минутах ходьбы от госпиталя, а на подводе так еще быстрее. Если вы все время прожили в Монрее, вы должны его знать. Это «Охотничий Уголок»...

– Дом Вестона? – заинтересовался доктор.

– Да, и я его новая владелица. Дом продали мне, – сказала ему, решив не забивать голову доктору еще и своими проблемами. – Мы могли бы... Быть может, мы можем забрать к себе часть пострадавших, которым уже оказали первую помощь? Ну, чтобы они не мокли под дождем. – Потому что он как раз начался, этот самый дождь. С неба срывалась изморось, добавляя новых проблем к уже существующим. – Поди пойми, когда еще построят эти палатки!

Их уже строили, молотки стучали зло и яростно, но до завершения еще было очень и очень далеко.

Доктор уставился на меня внимательным взглядом, а затем дал свое согласие.

Довольно скоро мы обо всем договорились – в этом немалую помощь оказала Лилли. И все потому, что доктора были загружены так, что им и не оторваться, поэтому перевозку раненых в «Охотничий Уголок» организовывали монахини, с которыми она быстро нашла общий язык.

– Скольких мы можем взять, Робин? – спрашивала у меня Лилли, бегая между подводами от меня к сестрам, а я никак не могла взять в толк, которая из них самая главная. Они были для меня на одно лицо – виной тому бесформенные монашеские одеяния и странные головные уборы, надвинутые на лбы и скрывавшие волосы. – Потому что они могут отдать нам многих... Но многих нам не отдадут, так как большая часть здесь из высших кругов, поэтому в дом Вестона хотят отправить именно их. Чтобы потом не было скандалов, потому что у нас... Вернее, у тебя куда уютнее, чем в коридорах госпиталя.

– Или же на траве, – кивнула я. Затем добавила: – Вот что, передай старшей сестре или с кем ты договариваешься, что мы возьмем к себе всех, кому не нашлось места, а не только богатых и с титулами. У нас есть целых десять спален, но в доме можно разместить и больше народа. Мы с тобой и Наной вполне можем устроиться на первом этаже или даже во флигеле. Кстати, о флигеле... Помнишь, Мона говорила, что там много свободных мест? Так что мы с радостью примем столько пациентов, сколько нужно.

– Хорошо! – кивнула Лилли. – Да, я так и скажу сестре Флоренс. – Затем почему-то кинулась ко мне и обняла. – Боги не забудут твоей доброты, Робин!

На это я пожала плечами, после чего спешно отправила Патрика, а затем и сама побежала в «Охотничий Уголок», чтобы предупредить Мону и Нану о том, что у нас будут гости прямиком из лазарета под открытым небом.

И еще, что я понятия не имею, сколько нам привезут этих самых гостей.

Затем снова побежала к госпиталю, чтобы помочь организовать отъезд. И уже очень скоро к крыльцу моего нового дома одна за другой прибыло несколько подвод. На них лежали больные, с которыми только что закончили маги и доктора, и теперь им требовался покой и уход.

По крайней мере, на эту ночь. А дальше уже будет видно.

К этому времени железные ворота «Охотничьего Уголка» были распахнуты, фонари от ограды до крыльца зажжены, а старый Чарльз встречал всех у распахнутых дверей дома, почему-то одетый в парадную ливрею. Лицо у него было спокойным, даже торжественным, и я, глядя на него, тоже постепенно успокоилась.

Мы все делаем правильно, сказала я самой себе.

Все мы.

И Мона с Наной, и даже Патрик с Юной – его сестру мы так и не уговорили лечь спать, хотя казалось, что девочка едва держалась на ногах. И Лилли – как же без нее?!

Признаюсь, я испытала истинную гордость за этих людей. За Лилли, спокойно и с достоинством общавшуюся со старшей сестрой, выпрашивая у нее имена пациентов, а потом помогая их размещать и устраивать поудобнее на подводах.

Правда, носили не мы – нашлись крепкие мужчины из госпиталя и близлежащих домов.

За Патрика и Юну, которые стелили кровати наравне со взрослыми; за Мону и Нану, без чьей расторопной помощи девять комнат не стали бы похожими на гостиничные номера за столь короткое время, – и мне лишь оставалось руководить процессом, показывая, куда нести и укладывать пациентов.

Не прошло и часа, как все комнаты на втором этаже были заняты, и у нас оказался полный дом неожиданных гостей.

На этом оказалось все – тот самый усталый пожилой доктор лично поблагодарил меня за помощь, пожав руку. Его ладонь была сухой и крепкой, после чего Густав Легран поправил пенсне, повернулся и отправился по своим делам.

Вот и я тоже пошла.

Вернулась в «Охотничий Уголок», двери которого уже закрывал старый Чарльз, после чего занялась нашими гостями.

Уже знала их по именам, которые решила написать на бумажке, прикрепив к дверям вместе с выведенными от руки цифрами. Подумала, что так будет проще для трех сестер из Ордена Святой Виргилии, оставшихся ночевать в «Охотничьем Уголке», чтобы ухаживать за больными, и докторов, пообещавших навестить пациентов следующим утром.

В комнату номер два – потому что первая так и осталась за нами с Наной и Лилли – поместили пожилую даму с сыном. Она была без сознания, только что после проведенной операции, погруженная в магический сон.

Зато ее сын – лет ему было тридцать-тридцать пять – с наложенной на ногу шиной, перебинтованной головой и сочившейся кровью из-под повязки на шее – мне сказали, что он выжил лишь чудом, – уже ковылял сам.

Сам поднялся на второй этаж и напрочь отказался покидать свою мать. Так и заявил сестре Лючии, на что получил ее благословение и два молитвослова. Я собиралась отдать ему первую комнату, но вместо этого их с матерью поместили во второй, и он устроился в гостиной, расположившись на софе.

Звали их лорд и леди Корвин и Филия Диксоны.

В третьей комнате тоже в магическом сне пребывал светловолосый молодой мужчина с волевым лицом. Он серьезно пострадал, и, когда сестра Лючия назвала его имя, то добавила, что очень скоро он сам его назовет.

Но уже не людям, а на Высшем Суде Богов.

На это я упрямо качнула головой, нарисовав на листе бумаги цифру «3» и подписав, что в этой комнате лежит Рекс Миллиган.

Дела нашего четвертого гостя из четвертого номера по сравнению с остальными оказались довольно хороши. По крайней мере, до двери он тоже доковылял сам, хотя на его руки и лоб были наложены повязки, от которых фонило целительской магией – я уже знала, что именно так лечили ожоги.

Зато у пациента оказалось собственное мнение насчет необходимого ему лечения. Он потребовал тотчас же принести бутылку виски, заявив, что это, несомненно, ускорит выздоровление.

Но я покачала головой, возразив, что лечения крепким алкоголем ему не прописано, а вместо этого ему требуются полный покой и сон. Затем прикрепила к дверям комнаты бумагу с номером 4 и подписала: Перси Страут, который... все так же упорно продолжал требовать у меня виски, заявляя, что завтра же напишет жалобу в городской совет на наш госпиталь, обвинив в бесчеловечном обращении с больными.

Не успела я объяснить господину Страуту, что он не в госпитале, как снова подоспела сестра Лючия. Я уже научилась различать трех монахинь, оставшихся в доме, – она была крупной, выше меня на полголовы и шире почти в два раза, с пробивающимися черными усиками над верхней губой.

Так вот, сестра Лючия уверенно завила, что Перси Страуту помогут молитвы и обезболивающая настойка. После чего выдала молитвослов и настойку, заявив, чтобы тот немедленно отправлялся в кровать, иначе она уложит его сама.

В устах сестры Лючии это прозвучало как угроза, и господин Страут покорно поковылял в спальню.

Мы же отправились дальше, к комнатам 5 и 6, где лежали товарищи Перси Страута – Ангус Эванс и Харри Кирк. Я уже знала, что три биржевых дельца решили отметить выгодное дельце, поэтому отправились на выходные в Монрей.

Но вместо веселого праздника в дорогом приморском отеле они очутились в моем доме. Перебинтованные, под воздействием лечебных заклинаний, а двое все еще были погружены в магический сон.

Пусть они крепко спали под действием магии, но сестра Лючия уверенно положила на прикроватный столик каждого по молитвослову, заявив, что им не помешает и что это верный путь к исцелению. А даже если исцеления не наступит, то уж тем более не помешает!..

Так и сказала.

В седьмой комнате лежала худенькая светловолосая девушка, тоже после серьезных лечебных манипуляций и тоже погруженная в магический сон. Звали ее Эстер Миллс, и со слов сестры Лючии выходило, что после взрыва Эстер кинулась спасать тех, кто был в беде.

Потому что она – магичка, только вот огонь все равно оказался сильнее ее. Эстер серьезно пострадала и теперь застыла на грани жизни и смерти.

Да, ее нужно было оставить в госпитале под круглосуточным наблюдением магов и лекарей, но так как Эстер привезли в госпиталь одной из последних, то все места давно уже закончились, и даже в коридоре для нее не нашлось.

Впрочем, если Эстер Миллс доживет до утра, то сестра Лючия собиралась похлопотать, чтобы магичку обязательно перевели в госпиталь.

– Ее жизнь в руках Богов, – произнесла монахиня таким голосом, что я поняла: особой надежды на выздоровление у девушки нет. И даже молитвослов на прикроватной тумбочке сестра Лючия оставлять не стала, что говорило само за себя.

Мне было несказанно жаль смелую магичку.

Ее и Рекса Миллигана – из всех гостей именно эти двое оказались в самом тяжелом состоянии. Возле них постоянно дежурила сестра Доротея, которую я про себя называла ангелом смерти. У монахини было худое, серое и непроницаемое лицо, она постоянно переходила из третьей комнаты в седьмую, бормоча молитвы.

Зато в восьмой разместили пожилую даму – леди Доротею Флетчер. Она тоже была погружена в магический сон, но я с явным облегчением увидела на прикроватной тумбочке молитвослов и ту самую обезболивающую настойку.

В девятой поселили молодого человека, который давно уже пришел в себя. Он рвался на волю, заявляя, что в Монрее у него невеста, и она, наверное, сейчас места себе не находит. Ее нужно обязательно известить, что с ним все в порядке, иначе его Молли сойдет с ума от тревоги.

Он засобирался было отправиться к невесте сам, но сестра Лючия его не отпустила, сказав, что сперва ему придется получить на это разрешение докторов.

Затем мужчина решил написать записку, но тоже не смог: на руках у него были лечебные повязки, снимавшие боль и исцеляющие ожоги. Поэтому текст под его диктовку написала

я, пообещав, что завтра с самого утра отправлю Патрика по указанному адресу. Сейчас уже слишком поздно, поэтому ему тоже нужно лечь и постараться поспать.

Наконец, я вышла из комнаты и даже не стала писать его имя на бумажке с номером 9, понимая, что эти стены надолго Алекса Блейси не удержат – если утром его не отпустят доктора, он сам сбежит к своей невесте.

В последней, десятой комнате лежал пожилой и, судя по его лицу, крайне угрюмого нрава лорд Воррен. Он чем-то напомнил мне Мольена, но я покачала головой, разгоняя не слишком приятные воспоминания.

Лорд Воррен пребывал в магическом сне, на его тумбочке лежал молитвослов и стояла обезболивающая настойка, так что я решила, что с ним все обязательно будет хорошо.

Наконец, закончив обход, я спустилась вниз и... без сил упала в кресло в гостиной. Уставилась в сторону полутемного вестибюля, подумав, что даже звериные головы меня нисколько не тревожат.

Мне казалось, что наш с Наной приезд в Монрей, волнения о том, как меня встретят в «Охотничьем Уголке», и размышления, кем был аноним, подаривший мне дом, – все это осталось далеко позади.

В какой-то другой жизни.

В этой я оказалась хозяйкой «Охотничьего Уголка», ставшего на время филиалом Королевского Госпиталя Монрея, и рассиживаться у меня попросту не было времени.

Поэтому, переведя дух, я поднялась из кресла и продолжила заниматься делами. Принялась устраивать сестер из Ордена Святой Виргилии, потому что на помощь им прибыла еще и третья – сестра Флоренс.

Детей все же удалось отправить отдыхать – старый Чарльз недавно наведлся во флигель и сообщил мне, что Патрик с Юной преспокойно спят. Поблагодарив его, я пригласила монахинь отужинать в столовую, потому что Нана к этому времени улучшила рагу и испекла новый пирог.

Кстати, Мона свою отставку с кухни приняла безропотно и даже, как мне показалось, с явным облегчением. Наверное, понимала, что от нее куда больше толку будет в другом.

Вместе с Лилли они носили одеяла и постельное белье, а потом и я пришла к ним на помощь. К тому же я зажгла в каждой из комнат по несколько магических светлячков, чтобы монахиням было проще нести дежурство, а пришедшие с ночными или же утренними визитами доктора и маги не тратили силы и время на заклинания – пусть лучше они потратят их на лечение.

Старого Чарльза мы с трудом, но все-таки отправили спать – он вымотался до такой степени, что едва стоял на ногах. Но во флигель упрямый старик возвращаться отказался – вместо этого заявил, что останется ночевать в привратничкой, чтобы, если понадобится, он смог впустить тех самых докторов или магов.

К этому времени монахини успели поужинать, а Мона застелить им кровати – одну из сестер мы устроили в маленькой комнатке рядом с кухней, а двух других разместили в Музыкальном и Цветочном Салонах. Правда, сестра Долорес шелестящим голосом заявила, что спать она не станет, потому что собирается провести ночь возле кроватей умирающих.

На это Лилли всхлипнула, но я успокаивающе прикоснулась к ее руке.

– Они все еще живы, – сказала ей, – поэтому мы не станем никого хоронить раньше времени. Надежда есть и у них, и у нас.

Никогда не сдаваться – этому всегда учил меня отец.

Наконец, все разошлись по своим делам.

Именно тогда Нана шепнула мне на ухо, что успела осмотреть припасы на кухне и взглянуть на содержимое кладовых. Продуктов при таком раскладе – вернее, при таком количестве народа в доме – у нас осталось максимум на два дня.

Хорошо, она сотворит чудо, и мы сможем протянуть три или даже четыре дня, после чего придется залезть в мои сбережения.

Это, по мнению Наны, никуда не годилось.

– Вам стоит поговорить с докторами или же обсудить этот вопрос с представительницами местных Богов, мисс Робин! – глубокомысленно произнесла няня, явно намекая на монахинь.

Затем добавила: она прекрасно знает, что с раннего детства я старалась всем помочь, но нужно подумать и о себе. Раз уж нам выдали такую ораву ртов, то пусть заодно и выдают средства на их содержание и прокорм.

На это я покивала, заявив, что обязательно поразмыслю над этим вопросом и попытаюсь что-нибудь сделать. Но не сейчас, когда все устали до полусмерти, а сестра Долорес со скорбным лицом уже поднималась по лестнице, после чего направилась, бормоча молитвы, а комнату номер три к Рексу Миллигану.

Остальным тоже не помешало бы немного поспать – так я всем и сказала, – потому что завтра нас ждал не менее сложный день.

...Заперли на засов входную дверь, после чего Мона сообщила, что уходит ночевать во флигель. Дом она покинет через черный ход, после чего закроет дверь на ключ. Выдала мне еще один, заявив, что ее отец спит чутко, так что, если понадобится, он нас разбудит.

И еще, пусть сразу же будят и ее!..

Попрощавшись с ней до утра, я отправилась наверх, прихватив с собой Лилли. Сестры Лючия и Флоренс разбрелись по своим комнатам, чтобы немного отдохнуть. Одна лишь Нана все еще возилась на кухне, но я знала, что скоро придет и она.

Бедняжка Лилли устала до такой степени, что с трудом поднималась по лестнице. Где-то на середине пути силы у нее закончились, и мне пришлось буквально тащить девушку на себе. При этом я с легким удивлением поняла, что она не вызывала у меня никакого отчуждения – я успела к ней привязаться.

Лилли казалась мне хрупкой, но в то же время на удивление сильной. И еще – я чувствовала в ней что-то родное.

Родную кровь, хотя это было невозможно – у меня не осталось никого из семьи.

В комнате помогла ей справиться с завязками платья – иначе она бы упала на застеленную софу и заснула вот так, в одежде. Спросила у Лилли, откуда она родом. Оказалось, из маленького городка в Воршире, о котором я и слухом не слыхала, да и у Дорсонов в тех местах не было даже самой дальней родни.

Напоследок я все же уточнила, в каком пансионате она воспитывалась. Пожала плечами – нет, никогда о таком не слышала! – после чего укрыла ее одеялом, потому что Лилли уже спала.

Я же отправилась в ванную комнату, где смыла с себя пот и тревоги длинного дня, после чего легла в кровать, дожидаясь, когда придет Нана.

Вскоре раздались ее тяжелые шаги – няня поднималась по лестнице. Скрипнула дверь, а дальше я уже не помнила, потому что в тот самый момент тоже провалилась в сон.

Глава 5

Мне показалось, что я закрыла глаза буквально на несколько секунд – можно сказать, медленно моргнула, – но когда я их открыла, почему-то было уже светло.

Тогда я снова моргнула, пытаюсь понять, как такое могло произойти и куда пропала ночь. Быть может, она все еще в разгаре, а я просто зажгла несколько магических светлячков и забыла их погасить?!

Но, оказалось, моя магия здесь ни при чем. Через темные тяжелые портьеры, которые, конечно же, я не удосужилась хорошенько задвинуть, уже пробивался яркий утренний свет, рисуя причудливые узоры на мягком ковре.

Ночь все-таки закончилась – причем совершенно незаметно для меня, – и наступил новый день. К тому же по коридору кто-то прошел – шаги были тяжелыми и уверенными, и я решила, что так топтать могла только сестра Лючия.

Это означало лишь то, что и мне тоже пора вставать.

Потянувшись, уселась на кровати, в которой так и не обнаружила Нану – выходило, няня поднялась еще до меня. Подушка на ее стороне была примята, зато ей удалось аккуратно заправить одеяло. И Нана успела еще и разложить мои вещи, которые я вчера небрежно бросила на стул.

Признаюсь, вечером у меня попросту не осталось сил, чтобы развесить свою одежду.

Зато у Наны они оставались – не только привести в порядок мои вещи, но еще и подняться ни свет ни заря и отправиться хлопотать на кухню, из-за чего я почувствовала укол совести.

Накинув на сорочку платье, поплелась в ванную комнату. Умылась – напор воды здесь оказался куда слабее, чем в бывшем столичном особняке дяди, но это было намного удобнее тастика и кувшина для умывания в «Райских Птицах», куда я так и не провела водопровод.

Выходило слишком сложно и дорого, но я старательно копила деньги...

Впрочем, теперь это было проблемой Парсона, хотя я все-таки вздохнула украдкой. Да, в моих планах было многое перестроить в «Райских Птицах», но теперь увы... Сейчас там хозяйничал другой человек, зато у меня есть дом на берегу моря, который я не собиралась никому отдавать.

Трудности созданы Богами для того, чтобы закалить человека, – так любил говорить мой отец.

Вот и сейчас, получив от жизни серьезный удар и целый набор трудностей, я собиралась учесть свои ошибки на будущее, а в настоящем сделать все, чтобы это место навсегда осталось моим и Наниным домом. Отстоять «Охотничий Уголок», чего бы мне это ни стоило, не отдав его ни Мольену, ни кому-либо другому, кто надумает его у меня отнять.

Но пока что на дом никто не покушался, поэтому я, зашнуровав платье и завязав волосы в косу, на цыпочках прокралась мимо спящей Лилли. Улыбнулась украдкой, заметив, как по-детски приоткрылся ее рот.

Наконец, выскользнула в коридор, тихонько прикрыв за собой дверь. Она все же предательски скрипнула, и я подумала, что не помешает смазать... Затем немного постояла, вдыхая тишину и уже успевший полюбить меня запах «Охотничьего Уголка» – пахло старинным деревом, полиролью и еще свежее испеченным хлебом с первого этажа.

И вовсе ничего не напоминало больницу, хотя из дверей третьей комнаты показалась сестра Лючия.

Подойдя, монахиня быстро меня благословила, после чего сказала, что этой ночью, слава Богам, в доме никто не умер, хотя дела в третьей и седьмой палатах – пусть я не считала, что у нас лазарет, но монахиня оказалась другого мнения, – так вот, дела у Рекса Миллигана и Эстер Миллс были все такими же.

Очень тяжелыми.

Зато остальные пациенты, хвала Богам, уверенно шли на поправку.

Сказав это, сестра Лючия отправилась дальше по коридору, а я поспешила вниз. Поздоровалась с Чарльзом, смазывавшим петли входной двери, намекнув тому, что не помешает сделать это и с остальными дверями в доме.

Но не сейчас, а когда все проснутся.

На кухне оказалось, что Нане моя помощь нисколько не нужна. Она прекрасно со всем справлялась и сама – в хлебной печи уже подрумянивались две круглых буханки, а еще четыре ждали своей очереди.

Мона тоже уже поднялась. Безропотно отдав моей бывшей няне бразды правления на кухне, она вовсе не выглядела несчастной – наоборот, попивая кофе, с явным удовольствием выслушивала похвалы Наны собственной предусмотрительности.

Оказалось, в дальнем конце участка, как раз за флигелем, они с отцом устроили курятник, так что каждое утро в нашем распоряжении будет с десяток свежих яиц. К тому же у Моны имелась небольшая теплица, откуда она принесла первую весеннюю зелень – хиленький пучок укропа, вполне довольную жизнью петрушку и зеленых листьев салата аж на целую объемную миску.

Нана ее поблагодарила, заявив, что все придется как нельзя кстати.

Я уже знала, что это означало, – всех обитателей и гостей «Охотничьего Уголка» будет ждать восхитительный завтрак.

Но пока что я получила утренний кофе и кусок еще горячего хлеба, только что из печи – истинное лакомство, которым Нана любила меня баловать с самого детства. Поев, я решила с Моной проинспектировать дом – хотела знать, что водилось в моем новом хозяйстве.

Кухонные дела и учет припасов я оставила за Наной, тогда как мы отправились в небольшую кладовую возле столовой, где принялись доставать с полок тарелки. Пересчитали – слава Богам, хватило бы даже на то, чтобы усадить за стол целый полк.

После этого занялись кружками, бокалами и столовыми приборами. Все было в очень хорошем состоянии – на посуду Вестон не скупился, – так что я решила, что накормить гостей будет из чего, даже если к нам явится весь персонал госпиталя.

Оказалось, мы сумеем этот самый персонал еще и напоить чем-то покрепче, потому что на верхней полке я обнаружила целый выводок как початых, так и полных бутылок с дорогим алкоголем.

На это Мона, покраснев, призналась, что это она...

Она туда все спрятала и всегда держала эту кладовую под замком.

Бутылки остались еще со времен лорда Вестона. Весь этот дорогой коньяк, виски и бренди двадцатилетней выдержки раньше стояли в баре в Бильярдном Кабинете. Когда хозяин съехал, Мона припрятала сомнительное богатство от отца, сказав тому, что лорд Вестон все забрал с собой.

Потому что Чарльзу Ксавье ни в коем случае нельзя пить. У него сразу же обостряется застарелая язва – отец уже успел дважды полежать в госпитале, на что ушли почти все их сбережения.

Мне было очень интересно послушать про сбережения, но я решила сперва закончить с осмотром дома. Попросила Мону всегда держать эту кладовую запертой и ни в коем случае не поддаваться на провокации Перси Страута из комнаты номер четыре.

А еще лучше, пусть она отдаст ключи мне.

И Мона сразу же протянула мне целую связку.

– Значит, наш гость из номера четыре, – покивала она, на что я закатила глаза.

Сестры из ордена Святой Виргилии вели себя так, словно в моем доме был филиал королевского госпиталя – что вполне резонно, – тогда как Мона считала, что «Охотничий Уголок» за вчерашний вечер чудесным образом превратился в гостиницу.

Оказалось, так считала не только она, потому что, когда мы проходили мимо кухни, сестра Лючия бодрым голосом поинтересовалась, во сколько у нас обычно подают завтраки. На это получила вполне внятный ответ от Наны, что постояльцам будет подаваться не раньше, чем через час, но кофе и свежеспеченный хлеб с клубничным джемом – тоже из запасов Моны – можно получить хоть сейчас.

Я снова закатила глаза, после чего отправилась с Моной наверх, где мы провели увлекательных двадцать минут, пересчитывая оставшееся постельное белье. Выходило, его хватало как раз на еще одну смену, после чего придется отдавать в стирку.

И это было еще очередной проблемой.

– На территории дома есть своя прачечная, – говорила Мона, когда мы спускались по лестнице в гостиную, закончив с осмотром подсобных помещений на втором этаже.

Чердак я решила оставить на завтра.

К тому же Мона заявила, что ничего интересного там нет – лишь старые вещи и выводок летучих мышей.

– Но сейчас прачечная, конечно же, закрыта. Она в пристройке рядом с конюшней, – пояснила мне Мона. – Я вам все покажу, мисс Робин! – Меня в доме стали называть именно так, взяв пример с Наны. – Но если в доме снова будет много народа, можно нанять приходящих прачек. Так выйдет значительно дешевле, чем отдавать грязное белье в заведение Шерлин, что на улице Воскрешения, 5.

На «дешевле» я кивнула, решив, что настало время для важного разговора.

В принципе, его можно было начать и в гостиной – попросить Мону устроиться в кресле, после чего заявить ей, что платить жалование им с отцом мне нечем. Но я все-таки решила подойти к этому разговору с другого конца. Сказала Моне, что мне бы хотелось выйти на улицу и осмотреть террасу возле столовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.